

issue 2 | 2022  
18+

# Corpus mundi

JOURNAL OF BODY STUDIES



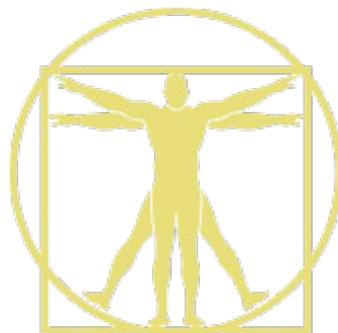
# Corpus Mundi

Academic E-Journal

[www.corpusmundi.com](http://www.corpusmundi.com)

Vol 3, No 2

<https://doi.org/10.46539/cmj.v3i2>



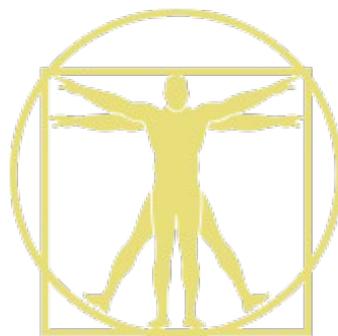
# Corpus Mundi

Научный электронный журнал

[www.corpusmundi.com](http://www.corpusmundi.com)

Том 3, No 2

<https://doi.org/10.46539/cmj.v3i2>



# Table of Content

---

## THE BODY IN A CHANGING WORLD

---

### **Maksym W. Kyrchanoff**

Ethnographicity of a National Political Body: from Invention to Marginalization 15

### **Elina A. Sarakaeva**

The Beauty, the Beast and the Red Hare.  
The 'Chain Scheme' in Chinese Literature and Cinematography. Part 1 52

### **Asia Sarakaeva**

The Evidence of the Dead Body.  
On Moral Consciousness and Legal Practice in the Qing China 81

## THE ANIMAL BODY

### **Anastasiya A. Lokteva**

Animals and Humans: Interactions in Nineteenth-Century Russian Culture 100

## CRITICS & REVIEWS

---

### **Irena V. Lebedeva**

Review of the Monograph "Women and Family Life  
in Early Modern German Literature" by Elisabeth W. Nivre 120

# Содержание

---

## ТЕЛО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

---

### **Кирчанов М. В.**

Этнографичность национального политического тела:  
от изобретения до маргинализации 15

### **Саракаева Э. А.**

Кондотьер, Красавица и Красный Заяц.  
«План цепи» в китайской литературе и кинематографе. Часть 1 52

### **Саракаева А. А.**

Свидетельство мертвого тела.  
Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае 81

## ТЕЛО ЖИВОТНОГО

### **Локтева А. А.**

Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. 100

## РЕЦЕНЗИИ

---

### **Лебедева И. В.**

Рецензия на монографию Элизабет В. Нивре  
«Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени» 120

## **Dear friends, colleagues, readers and authors!**

---

Corpus Mundi is a periodic academic e-journal without printed forms (since 2020). The journal publishes scholar articles, reviews, information resources, conferences and other scientific materials.

We publish two issues in a year.

The working languages of the Journal are English and Russian.

The Journal is devoted to topical issues in the field of Body Studies, corporality, history of corporality, Body in Mass culture and others.

### **Aim and Scope**

---

Our goal is to create a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Body studies. With this goal in mind, we aim to ensure that our online publication performs important scientific functions – communication and information – that will not only accumulate new developments in this field, but will also serve as a basis for new discoveries and insights.

The Journal advocates the principles of dialogue of cultures and elimination of conditions for possible conflicts of civilizations. It adheres to the principles of the philosophy of non-violence, cultural and religious tolerance. The editorial staff aims to remove language barriers and respect the boundaries of the national culture of each nation living on our small planet – Earth.

Our team brought together specialists whose scientific activity is in one way or another related to the study of corporality. In our Journal we are not going to be limited solely to the human body, as we approach the problem of “corporality” from the widest positions.

As we tried to create a space for international communication, we chose English (international language of science) and Russian (as the project is an initiative of Russian scientists) as working languages of our journal.

Our international team, which is represented in the editorial board of the journal, includes specialists from Russia, USA, Great Britain, Spain, China and other countries. All manuscripts submitted to the Editorial board undergo double blind review, which is the fundamental scientific and ethical principles of our project. The digital nature of modern international communications has enabled us to choose the online variant of publication of articles (without physical printing). Therefore, our journal is part of the Open Journal Systems, which allows us to organize perfectly the whole publishing process, but also makes it possible to access information. After all, the reader gets the opportunity to download any article from our site for free. We believe that only the open exchange of information will allow mankind to make a serious breakthrough in the development of science and technology.

We work on the principles of strict confidentiality and careful attention to personal data of users. Therefore, the names and email addresses of authors of this online publication are used exclusively for the purposes indicated by this online publication and cannot be used for any other purposes or provided to other persons and organizations. In addition, this principle allows to maintain a high level of criticism and impartiality when reviewing manuscripts submitted to the editor, since reviewers can not see the authorship of a particular work. The objectivity of the review is verified by double or sometimes even triple reviews, which avoids one-sidedness when working with those manuscripts that by their nature may go beyond one discipline or traditional approaches that are dominant at the moment. Our main principle that we focus on is SCIENCE.

**Best regards,  
Editors**

- ◆ Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС77-77481 since 31 December 2019
- ◆ Materials are intended for persons over 18 years old.

## **Уважаемые друзья, коллеги, читатели и авторы!**

---

Сетевое издание Corpus Mundi является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Мы выпускаем 2 номера в год.

Рабочими языками журнала являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере телесности, Body Studies, истории телесности, телесных модификаций, телу в массовой культуре, литературе и искусстве и другим.

### **Цель проекта**

---

Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области Body studies.

Исходя из этой цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций «идеологии» диалога культур и устранения условий конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к границам национальных культур.

Наш коллектив объединил специалистов, чья научная деятельность так или иначе связана с изучением телесности. В своей работе мы не собираемся замыкаться лишь на теле Человека, так как мы подходим к проблеме «телесности» с самых широких позиций.

Так как мы стремились создать пространство международного общения, в качестве рабочих языков сетевого издания мы выбрали английский (международный язык науки) и русский (так как проект является инициативой российских учёных).

Наша международную команду, которая представлена в редколлегии сетевого издания, включает в себя специалистов из России, США, Великобритании, Испании, КНР и других стран.

Все рукописи, поступающие в издательство, проходят двойное слепое рецензирование, что соответствует принципам нашего проекта (основные этические принципы представлены здесь). А цифровой характер современных международных коммуникаций дал нам возможность выбрать электронный вариант публикации статей (без физической печати). Поэтому наш журнал входит в систему Open Journal Systems, который позволяет идеально органи-

зовать весь издательский процесс и предоставляет свободный доступ к информации. Таким образом читатель получает возможность бесплатно скачать любую статью с нашего сайта. Мы полагаем, что только свободный обмен информацией даст возможность человечеству сделать серьезный рывок в развитии науки и техники.

Мы работаем на принципах строгой конфиденциальности и внимательного отношения к персональным данным пользователей. Поэтому имена и адреса электронной почты, введенные на сайте этого сетевого издания, используются исключительно для целей, обозначенных этим сетевым изданием, и не могут быть использованы для каких-либо других целей или предоставлены другим лицам и организациям. Этот принцип позволяет сохранить высокую критичность и непредвзятость при рецензировании рукописей, поступающих в редакцию, так как рецензенты не могут видеть авторство той или иной работы. Объективность рецензии верифицируется двойным или порой даже тройным рецензированием, что позволяет избежать однобокости при работе с теми рукописями, которые по своему характеру могут выходить за рамки одной дисциплины или традиционных подходов, доминирующих в данный момент. Наш главный принцип, на который мы ориентируемся, – НАУЧНОСТЬ.

**С уважением,  
редакция журнала**

- ◆ Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС77-77481 от 31 декабря 2019
- ◆ Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

### EDITOR-IN-CHIEF

---

**Olesya S. Yakushenkova** PhD, Associate Professor at the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

### ASSOCIATE EDITORS

---

**Serguey N. Yakushenkov** Dr. Habilitatus in History, Professor of the Department of Foreign History and Regional Studies, Astrakhan State University, Russia

**Rastyam T. Aliev** PhD, Associate Professor of the History Department, Astrakhan State University, Russia

**Kwasu David Tembo** PhD, University of Edinburgh, Independent Researcher, Zimbabwe

### EDITORIAL BOARD

---

**Alexander N. Meshcheryakov** Dr. Habilitatus in History, Professor at the Institute of Classical East and Antiquity of the National Research University Higher School of Economics, Russia

**Sergei V. Sokolovskiy** Dr. Habilitatus in History, Chief Researcher, Center of Anthropoecology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russia

**Oksana V. Timofeeva** Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Department of Sociology and Philosophy, European University at Saint Petersburg, Russia

**Natalia A. Artemenko** PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Cultural Studies, St. Petersburg State University, Russia

**Elena Y. Zavyalova** Dr. Habilitatus in Philology, Chair of Literature Department, Astrakhan State University, Russia

**Svetlana B. Nikonova** Dr. Habilitatus in Philosophy, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russia

**Sergey A. Troitskiy** PhD., Estonian Literary Museum. Tartu, Estonia.

**Elina A. Sarakaeva** PhD, Hainan Professional College of Economics and Business in Haikou, China

**Graham H. Roberts** Dr. Habilitatus, Associate Professor, Université Paris Nanterre, France

**Yuniya Kawamura** PhD, Professor of Sociology, Social Sciences Department Fashion Institute of Technology/State University of NY, USA

**Shelton Waldrep** PhD, Professor and Chair of English, University of Southern Maine, USA

<b>Jane Kuenz</b>	PhD, Professor and Associate Dean, University of Southern Maine, Portland, USA
<b>Niharika Dinkar</b>	PhD, Associate Professor, Art History and Visual Culture, Boise State University, USA
<b>Jeremy Mynott</b>	PhD, Associate Professor, Art History and Visual Culture, Boise State University, USA
<b>Thomas Kampe</b>	Dr., Professor of Somatic Performance and Education, Bath Spa University, UK
<b>Amy Bryzgel</b>	Dr., Full Professor and Personal Chair (Film and Visual Culture), University of Aberdeen: Aberdeen, Aberdeenshire, UK
<b>David Brown</b>	PhD, Cardiff School of Sport and Health Sciences, Cardiff Metropolitan University, UK
<b>Michelle Keown</b>	Dr., Professor, Chair in Pacific and Postcolonial Literature, Department of English Literature, School of Literatures, Languages and Cultures, University of Edinburgh, UK
<b>Salomé Sola-Morales</b>	Dr., Professor, Audiovisual Communication and Advertising Department, Seville University, Spain
<b>Jaana Parviainen</b>	Dr., Adjunct Professor (Docent), Senior Researcher, Faculty of Social Sciences (SOC), Tampere University, Finland
<b>Shogo Tanaka</b>	PhD, Professor, Center for Liberal Arts, Institute of Civilization Research, TOKAI University, Japan
<b>Valeria Varea</b>	PhD, School of Health Sciences, Division of Sport Science, Örebro University, Sweden

---

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

---

**Олеся Сергеевна  
Якушенкова** к.филос. н., доцент кафедры Культурологии, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

**АССОЦИИРОВАННЫЕ РЕДАКТОРЫ**

---

**Сергей Николаевич  
Якушенков** д.ист.н., профессор, профессор кафедры Зарубежной истории и регионоведения, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

**Растям Туктарович  
Алиев** к.ист.н., доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

**Квасу Дэвид  
Тембо** PhD, Университет Эдинбурга, Независимый исследователь, Зимбабве

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

---

**Александр Николаевич  
Мещеряков** д.ист.н., профессор Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Россия

**Сергей Валерьевич  
Соколовский** д.ист. н., гл.н.с. Центра антропоэкологии Института этнологии и антропологии РАН, Россия

**Оксана Викторовна  
Тимофеева** д.филос.н., профессор факультета социологии и философии ЕУСПб, Санкт-Петербург, Россия

**Наталья Андреевна  
Артеменко** к.филос.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

**Елена Евгеньевна  
Завьялова** д. филол. н., заведующая кафедрой литературы, Астраханский государственный университет, Россия

**Светлана Борисовна  
Никонова** д. филос. н., доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Россия

**Сергей Александрович  
Троицкий** к.филос.н., Эстонский литературный музей. Тарту, Эстония.

**Элина Алиевна  
Саракаева** к. филол. н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, КНР

**Грэм Робертс** Dr. Habilitatus, доцент, Университет Париж Нантер, Франция

**Юния Кавамура** PhD, профессор социологии, факультет социальных наук, Технологический институт моды/Университет штата Нью-Йорк, США

**Шелтон Уолдреп** PhD, профессор и заведующий кафедрой английского языка, Университет Южного Мэна, США

---

---

<b>Джейн Куэнз</b>	PhD, профессор и заместитель декана, Университет Южного Мэна, Портленд, США.
<b>Нихарика Динкар</b>	PhD, доцент, факультет история искусств и визуальной культуры, Университет Бойса, США
<b>Джереми Майнотт</b>	Dr. Habilitatus, PhD (Кембридж), почетный профессор, Колледж Вулфсона, Кембридж, Великобритания
<b>Томас Кампе</b>	Dr. Профессор соматической деятельности и образования, Университет Бат Спа, Великобритания
<b>Эми Брызгель</b>	доктор, профессор, зав. кафедрой (кино и визуальная культура), Абердинский университет, Абердин, Великобритания
<b>Дэвид Браун</b>	PhD, Кардиффская школа спорта и наук о здоровье, Кардиффский городской университет, Великобритания
<b>Мишель Кион</b>	доктор, профессор, кафедра тихоокеанской и постколониальной литературы, факультет английской литературы, Школа литературы, языков и культур, Эдинбургский университет, Великобритания
<b>Саломе Сола-Моралес</b>	доктор, профессор, факультет аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Севильский университет, Испания
<b>Яана Парвиайнен,</b>	д-р, доцент, старший научный сотрудник, факультет социальных наук, Университет Тампере, Финляндия
<b>Сёго Танака</b>	Ph.D., профессор, Центр гуманитарных наук, Институт цивилизационных исследований, Университет ТОКАИ, Япония
<b>Валерия Варера</b>	Ph.D., Школа наук о здоровье, Отдел наук о спорте, Университет Эребру, Швеция

---

## CONTACTS

---

**Founder** Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise  
“Genesis. Frontier. Science”

---

**Address** 29/1, Botvina St. apt. 50, Astrakhan,  
Russia, 414052

---

**Editor-in-Chief** Olesya S. Yakushenkova

**Email** admin@corpusmundi.com

---

**CEO** Rastyam T. Aliev

**Email** rastaliev@gmail.com

---

**The opinion of the editorial board  
may not coincide with the opinion of the authors**

## КОНТАКТЫ

---

<b>Учредитель</b>	Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»
<b>Адрес редакции</b>	414052, Российская федерация, г. Астрахань, ул. Ботвина 29/1, кв. 50
<b>Главный редактор</b>	Якушенкова Олеся Сергеевна
<b>Email</b>	admin@corpusmundi.com
<b>Дирекция журнала</b>	Алиев Растям Туктарович
<b>Email</b>	rastaliev@gmail.com

---

**Мнение редколлегии журнала  
может не совпадать с мнением авторов**



# Ethnographicity of a National Political Body: from Invention to Marginalization

---

**Maksym W. Kyrchanoff**

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Received: 1 August 2022 | Revised: 1 October 2022 | Accepted: 20 October 2022

## Abstract

---

The author analyzes cultural tactics and strategies aimed at the nationalization of the body in public, political and cultural spaces. The images of the national, nationalizing and nationalized body in modern cultures and spaces of memory are analyzed. The purpose of the study is to analyze visual strategies for the nationalization of the body in the intellectual histories of Central and Eastern Europe in the second half of the 19th and early 21st centuries. Geographically, the article is limited to the analysis of the politically motivated nationalizations of corporality in the greater Eastern and Central European cultural contexts. The chronological and geographical framework is motivated by the need to detect both continuity and discreteness in the nationalization of the body in the political cultures of the region, as well as general trends and regional characteristics of cultural and political practices, the author analyze in the article. The article shows that the historical and cultural prerequisites for the nationalization of the body developed in the 17th and 18th centuries within the framework of the “high” political culture, which operated with the images of great ancestors, projecting onto clothes as an element of socially acceptable physicality. The author believes that by the beginning of the 21st century, the nationalization of physicality express itself in several strategies, including the visualization of traditional ethnicity and the actualization of elements of modern political culture, which combine the visualization of biological signs of physicality in their combination with elements of a personality cult.

## Keywords

---

Body; Nationalization of the Body; the Invention of the National Body; Ethnographic and Modern Body; Body Traditionalism; Body and Ethnicity in High Culture; Mass Ethnographization of the Body; the Invention of Traditions; Nationalism



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



# Этнографичность национального политического тела: от изобретения до маргинализации

**Кирчанов Максим Валерьевич**

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.  
Email: maksymkyrchanoff[at]gmail.com

Рукопись получена: 1 августа 2022 | Пересмотрена: 1 октября 2022 | Принята: 20 октября 2022

## Аннотация

Автор анализирует культурные тактики и стратегии, направленные на национализацию тела в публичных, политических и культурных пространствах. Анализируются образы национального / национализированного тела в современных культурах и пространствах памяти. Цель исследования состоит в анализе визуальных стратегий национализации тела в интеллектуальной истории Центральной и Восточной Европы второй половины XIX – начала XXI века. Географически статья ограничена анализом политически мотивированной национализации телесности восточно- и центрально-европейскими культурными контекстами. Хронологические и географические рамки мотивированы необходимостью обнаружения как континуитета, так и дискретности в национализации телесного в политических культурах региона, а также общих тенденций и национальных особенностей анализируемых культурных и политических практик. В статье показано, что исторические и культурные предпосылки для национализации тела сложились в XVII и XVIII веках в рамках «высокой» политической культуры, которая оперировала образами великих предков, которые проецировались на одежду как элемент социально приемлемой телесности. Автор полагает, что в начале XXI века в национализации телесности доминирует несколько стратегий, включая визуализацию традиционной этничности и актуализацию элементов современной политической культуры, которые сочетают визуализацию биологических признаков телесности в сочетании с элементами культа личности.

## Ключевые слова

тело; национализация тела; изобретение национального тела; этнографическое и современное тело; традиционализм тела; тело и этничность в высокой культуре; массовая этнографизация тела; изобретение традиций; национализм



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



## Введение

Модерновые нации в современной Европе принадлежат к числу относительно поздних социальных и культурных конструкторов, которые стали следствием процессов политической модернизации, воображения сообществ и изобретения традиций, превративших в значительной степени традиционные и архаичные преимущественно крестьянские сообщества в современные политические нации с полной социальной структурой и набором институтов. Процессы подобной модернизации на территории Европы развивались неравномерно.

Европейский Запад превратился в сообщество наций быстрее, чем внутренние и внешние периферийные центрально- и восточно-европейские регионы. Националисты использовали общий набор тактик и стратегий, направленных на трансформацию традиционных групп в нации как воображаемые сообщества, что предусматривало приписывание им набора стандартизированных необходимых политических и культурных традиций. В рамках этой великой социальной трансформации XIX – XX веков националисты могли использовать различные ресурсы, включая этничность, зафиксированную на уровне крестьянских групп, которые в отличие от обитателей урбанизированных территорий были в меньшей степени затронуты последствиями модернизации.

Крестьянские сообщества с их гетерогенными культурами, которые не были подвергнуты стандартизации и унификации, оказались важнейшим ресурсом для изобретения традиций, которые формировали визуальный облик того или иного национального, точнее – национализирующегося, тела на территории Центральной и Восточной Европы. Если английские, французские, каталонские или немецкие националисты апеллировали к нации как к политическому телу, как сообществу граждан, постоянно актуализируя исторические и актуальные права, то националистически мыслящие интеллектуалы в менее развитых регионах, которые принадлежали многосоставным континентальным империям, использовали качественно и содержательно иные источники легитимации проектов соответствующих наций. Тем не менее, и они постоянно обращались к историческим и политическим правам, используя при этом этнографические ресурсы более активно, чем националисты Запада.

Если для западных националистически ориентированных политиков универсальной формой актуализации своей принадлежности к той или иной группе было активное участие в политической борьбе за ее права, их получение или восстановление, расширение или обновление, то для националистов в периферийных регионах такая риторика тоже была важна, но ресурсы внешней визуальной этничности ими использовались более активно. Последнее имело своей целью актуализировать и визуализировать присут-



ствие той или иной миноритарной и неравноправной группы в гетерогенной политической структуре населения европейских континентальных империй, которые в отношении своих подданных практиковали различные формы дискриминации, институционализированные на уровне иерархического распределения ролей в рамках общества, например, Германской, Австро-Венгерской или Российской Империй.

Отсутствие реальных политических успехов или их меньшие масштабы в сравнении с Западом, вынуждали восточно- и центрально-европейских националистов активно использовать этнографические ресурсы для актуализации физического / телесного присутствия той группы, к которой они принадлежали в империях, политическая культура которых была направлена на игнорирование прав меньшинств или на легитимацию в их отношении дискриминационной политики.

### **Цель и задачи**

---

В представленной статье автор анализирует культурные и социальные тактики визуализации этнического / этнографического в политической телесности миноритарных групп европейских континентальных империй и их исторических наследников XIX – начала XXI века. Поэтому целью статьи является анализ практик и стратегий визуализации образов этнически маркированных проявлений телесности в политической культуре. В число задач статьи входит изучение тактик визуализации этнического в телесности, анализ сфер актуализации политически подчеркнутой этнографической компоненты в структуре телесности, выявление общих тенденций и национальных особенностей подобных манипуляций с телом в рамках различных культур. В данной статье, рассматривая визуализированные проявления этнографичности в политическом теле, автор ограничивается маскулинным телом, полагая, что воображение и изобретение феминной телесности (Alexander, 2011) в интеллектуальной, культурной и социальной истории национализма (Björnsdóttir, 1997) должно стать предметом самостоятельного исследования.

### **Хронологические и географические рамки**

---

Географически данная статья ограничена анализом политически мотивированной национализации этнографической телесности широким восточно- и центрально-европейским культурным контекстом XIX – начала XXI века. Столь широкие хронологические и географические рамки представляются вполне допустимыми и оправданными, так как мотивированы необходимостью анализа и изучения различных форм и стратегий визуализации этнографического компонента телесности. Анализ заявленной проблематики в широких географических и хронологических рамках позволяет выявить и обнаружить проявления как континуитета, так и дискретности в национализации телесного и в визуализации этнографического компонента в политическом теле через



призму как общих тенденций, так и национальных особенностей культурных и политических практик воображения национального тела как изобретённой традиции.

## Методология и историография

Методологически представленная статья продолжает развивать положения и предположения автора, высказанные им в ряде работ, сфокусированных на идеологически и политически мотивированном использовании образов тела и телесности и их интеграции в более широкие идеологические контексты.

Суммируя их, подчеркнем, что в настоящей статье мы исходим из следующих положений. С одной стороны, визуализация (Böhm, 1994; Mitchell, 1994) и актуализация образов тела может быть структурным компонентом процесса воображения сообществ и актуализации присущих им особенностей (Кирчанов, 2021b). С другой, этнографически подчеркнутые особенности телесности могут рассматриваться в контексте процесса изобретения традиций (Кирчанов, 2022). Эти процессы следует рассматривать в широких контекстах междисциплинарности, описывая и анализируя через призму как националистических штудий, интеллектуальной и культурной истории, археологии и истории идей, а также при помощи того инструментария, который современная историография приобрела в результате перформативного и визуального поворотов (Mirzoeff, 1999).

Анализируя особенности национализации телесности на протяжении XIX – начала XXI веков (Кирчанов, 2021a), мы неизбежно вынуждены апеллировать к междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении националистических движений и модернизаций, а так же тех наций, как воображаемых сообществ, наделенных изобретёнными традициями, которые стали институционализированным результатом деятельности нескольких поколений националистически мыслящих интеллектуалов (Кирчанов, 2020a). Поэтому значительная часть историков и культурных антропологов предпочитает анализировать проблемы национального тела через призму нарративных и дискурсивных практик (Musolff, 2021) их конструирования (O'Brien, 2018), воображения и изобретения (Janzen, 2015), а также ассимиляции телесности в массовой культуре общества потребления (Jha, 2015).

Современная историография национализма сфокусирована на изучении его политической и идеологической истории (Storm & Berger, 2019), интеллектуальной истории и археологии идей (Norton, 2007), что, как правило, интерпретируется в рамках модернистской парадигмы (Baár, 2010). Подобные с точки зрения их тематики и проблематики исследования доминируют среди работ, сфокусированных на изучении национализма. Число исследований, посвященных фактору телесности – воображения, изобретения и конструирования национального тела – в современной историографии национализма, к сожа-



лению, не очень велико (Carrera, 2003), что несколько странно на фоне общей озабоченности американского антропологического академического сообщества ростом национализма и легитимируемого с его помощью насилия и принуждения (Dominguez & Metzner, 2019). Осознание проблемы не стимулирует научное сообщество анализировать истоки ситуации с антропологической точки зрения, хотя сербский исследователь А. Бошкович (Bošković, 2019) полагает, что анализ национализма через исследовательскую призму антропологии, включая исследования телесности, может оказаться эффективным и продуктивным; а его польский коллега Михал Буховски указывает на параллельное соразвитие националистических и академических представлений о телесности (Buchowski, 2019).

Национальное тело в современных культурных парадигмах общества потребления может играть различные роли (Кирчанов, 2020b), а диапазон его политических и идеологических посланий отличается значительным разнообразием, но такая ситуация существует на протяжении последних трех – пяти десятилетий. Раннее тело актуализировало свои другие политически значимые функции, связанные, в том числе, с визуализацией этничности. Поэтому изобретение национального тела путем визуализации этнографического следует интерпретировать как форму идеологически и политически мотивированного националистического культурного и интеллектуального проекта, а его частные, зафиксированные случаи визуализации – как форму социального перформанса. При этом, сами антропологи и этнологи нередко игнорируют то, как этнографическое оказывается интегрированным в националистический дискурс на визуальном уровне, предпочитая редуцировать визуализацию до решения прикладных задач собственных полевых исследований (Kashanipour, 2021).

Интеграция этнографического в националистический дискурс содействовало большей визуализации проектов наций и их идентичностей, которые на протяжении XIX – начала XXI века выдвигаются националистически мыслящими интеллектуалами. Подобная широкая визуализация национального тела с подчеркнутым этническим / этнографическим колоритом позволяет анализировать проблематику, заявленную в статье, при помощи тех исследовательских практик и моделей, которые сложились в рамках общего крена междисциплинарных гуманитарных исследований к изучению феномена визуальности.

Таким образом, этнографизация национального политического тела может быть описана – конструирована и деконструирована – в рамках более частных случаев визуальных штудий, то есть иконического, пикториального и имажинативного модусов описания телесности как социально и культурно значимого явления, политической практики и интеллектуальной стратегии одновременно.



## **Воображение сообществ как изобретение тела: к культурной антропологии национализма**

Отношения национализма, который возник в конце XVIII века, с телом и телесностью не могут быть определены как простые. Первые европейские националисты проявляли значительный интерес к народному, этнографическому телу, тщательно изучая последнее, чем превратили его в музейный экспонат, сфера пребывания которого оказалась ограниченной специализированными музеями. Интерес националистов к народному телу носил почти исключительно прикладной, утилитарный характер.

Тело интересовало их своими локальными этническими визуальными особенностями, которые можно было применить для создания изобретенных традиций как элемента идентичности. В этом отношении национализм имеет свои основания в восприятии культурного сходства и ощущении общности истории (Reuter, 2019), что может проявляться в ограниченной визуализации этнографического измерения телесности. Поэтому этнографическая телесность превращалась в маркер, который позволял отделить одни формирующиеся идентичности от других. Постепенно стихийная и архаичная, народная и гетерогенная этнографичность, как правило, крестьянского тела переставала удовлетворять националистов. Новое общество, которое они стремились создать, по их мнению, должно было стать не гетерогенным, но гомогенным с этнической, языковой и культурной точек зрения.

В этом отношении стихийное и неконтролируемое разнообразие тела, в данном случае – крестьянского, в его визуальном проявлении было уже не стимулом, но преградой и препятствием для продвижения унифицированных и стандартизированных форм складывающихся национальных идентичностей. Поэтому интерес практикующих националистов XIX – XX веков к телу практически всегда отличался значительной двойственностью. С одной стороны, именно националистически ориентированные интеллектуалы, занимавшиеся изучением быта крестьян и прочих сельских обывателей, которым только предстояло, по их инициативе, стать нацией, сделали первые шаги к оформлению и институционализации целого корпуса наук, которые в XIX столетии были известны под родовым именем «народоведения».

Поэтому националисты тщательно описывали и фиксировали внешних атрибуты и особенности народного тела, составляя этнографические альбомы и формируя музейные коллекции. При этом идентичность самих националистов могла отличаться от идентичности тех, чьи визуальные и внешние проявления телесности они изучали. С другой стороны, этнографическая телесность могла восприниматься националистами как системный элемент архаики, от которой национализирующимся сообществам следовало избавиться. Именно с этим были связаны инициативы общей модернизации, развития системы образования, которые были призваны превратить крестьян в нацию с единым языком и культурой, а также изобретенными традициями, которые



формировали идентичность. Региональное и локальное разнообразие этнографической телесности в этом отношении было препятствием в процессах консолидации и трансформации традиционных групп в нации современного типа.

Если мы привлечем для изучения европейских национализмов XIX века визуальные источники, представленные фотографией, то внешне отцы-основатели европейских наций, как правило, были облачены в гражданский костюм, а усы и борода стали факультативной функцией визуального облика среднего европейского националиста как носителя высокой культуры, участвующего в процессе трансформации традиционной идентичности своих формальных соотечественников в идентичность нации как гражданского сообщества. Такие консервативные требования, сформировав канон внешней репрезентации облика националиста, практически исключали фактор телесного разнообразия в этнографической визуальной перспективе, хотя из этой универсальной логики фиксации националиста как представителя национального тела все же были исключения.

### **Сарматизм: этнографизация тела политического класса**

Первыми нарушителями этой логики развития националистического воображения тела оказались представители польского и украинского политического класса, но это произошло, правда, в XVII – XVIII столетии, когда национализм еще не обрел своей универсальности и не превратился в массовый (не по степени поддержки со стороны населения, но по принципу представленности практически во всех европейских странах и формирующих их регионах) феномен. Проявлением условно «этнографического» подхода к телу, но фактически первой попыткой продвижения изобретенных традиций стала идеология сарматизма (Ігнацюк, 2007).

Подобные метаморфозы в восприятии как политической, так и частично биологической телесности стали возможны в силу наличия развитой традиции политической антропологии (Sowa, 2011), связанной с идеализацией телесности правящих особ, что выражалось в приписывании им особых свойств. Атрибутами сарматского тела в польском воображении XVII – XVIII веков стали как предметы одежды, включая жупан (Horoszkiewicz, 1900), контуш (Sieradzka, 2003), слуцкий пояс, сабля (Хадыка, 1992), так и особенности телесности, например – чуб (Клімуць, 2006), которые проецировались на представителей политического класса (Карпенка, 2013).

Представления о теле в рамках сарматизма носили в значительной степени смешанный, фронтирный характер (Czapliński, 2015), актуализируя отношения к визуальным проявлениям телесности как со стороны различных сословий, так и этнических групп. Немецко-израильская исследовательница Анна Новиков, комментируя роль сарматизма в развитии представлений о телесности в национальном контексте, указывает на то, что «в случае



с Польшей традиция визуальной групповой саморепрезентации уже была сильна в период раннего Нового времени, когда так называемый сарматский костюм (костюм польского дворянства в стиле барокко с ориентализацией и турецким влиянием) стал символом «польскости» (Novikov, 2017).

Польское тело как сарматское фиксируется на некоторых памятниках живописи (Томашева, 2016; Тананаева, 1979), которые актуализируют в одинаковой степени как маскулинность национального тела, так и его элитизм (Шыдлоўскі, 2011). Например, известен портрет Станислава Антония Щуки в «сарматском» контуше (иллюстр. 1). Стилистически аналогичным образом маскулинное тело фиксируется и в некоторых памятниках белорусской живописи (иллюстр. 2). На протяжении XVII – XVIII веков сарматский костюм (Лескинен, 2002) был составным элементом политического тела знати, то есть сегментом высокой культуры, но в XIX столетии, в условиях утраты польской государственности, роста ассимиляционных угроз и возникновения современного польского национализма, элементы сарматского тела были интегрированы в «массовую» телесность крестьянства, которому надлежало стать польской политической нацией.

Поэтому изменения претерпел сам модус визуализации телесности. На смену «телу знати» пришло крестьянское тело, облаченное в псевдонародные одеяния, хотя и на протяжении второй половины XIX века представители польской знати позировали для парадных портретов в одеяниях, которые не только имитировали сарматский стиль (Иллюстр. 3), но и визуализировали представления о телесности, ставшие к тому времени архаичными. Частично близкую позицию занимали и некоторые представители украинского движения, включая Т. Калыньского (Иллюстр. 4, 5, 6, 7), который зафиксировал многочисленные образы формирующего украинского политического тела, зафиксировав как социальные, так и гендерные его измерения.

В этом отношении этнографический польский костюм и, как следствие, внешние визуальные особенности национального тела стали относительно поздней изобретенной традицией, созданной благодаря усилиям националистически мыслящих интеллектуалов. В целом, эволюция коллективных представлений о теле и телесности в Центральной и Восточной Европе к середине XIX века привела в значительной степени к близким результатам, что выразилось в относительно четком разграничении национального тела на политическое и этнографическое. Второе воспринималось как часть архаики, а его образы конструировались интеллектуалами, которые фактически содействовали превращению тела, облаченного в народный костюм в изобретенную традицию.

В условиях музеификации народного тела как этнографического пространства и возможности его визуализации оказались в значительной степени сужеными. Поэтому, фотографические источники в большей степени актуализируют и фиксируют образы светского тела как политического и гражданского. Эта тенденция, правда, не исключала возможности визуализации



зации если не этнографичности как таковой, то ее отдельных образов, редуцированных, например, до элементов костюма.

## **Множественное тело Империи Габсбургов: политическое vs этнографическое**

История националистических движений на территории Империи Габсбургов обеспечивает ее историков многочисленными примерами визуализации национального тела. Политически и идеологически маркированные представления интеллектуалов о теле, связанные с националистическим дискурсом, возникли в XIX веке. Саймон Виффин, комментируя то, как менялась идея политического тела, полагает, что национализм стимулировал появление «стандартов воплощения и нормализующего дискурса», сфокусированного на телесности, которая описывалась в соответствии с системой «маркеров тела» (Whiffin, 2016). Чешские, украинские, словацкие, хорватские и другие националисты прилагали значительные усилия, направленные на фиксацию народного и в этом плане – этнографического – тела, но эта инициатива неизбежно выливалась как в развитие соответствующих гуманитарных наук, так и приводила к изменениям в «народной» одежде и, как следствие, национального тела в направлении изобретенной традиции.

Представители национальных движений на территории Империи прилагали усилия, направленные на формирование концепта «национального тела», что, как правило, было подчинено решению политических задач. Националисты на территории Империи Габсбургов, как одной из самых модернизированных среди европейских континентальных империй, пользовались набором существовавших политических и культурных институтов, позволявших им как представлять ту миноритарную группу, членами которой они являлись, так и актуализировать и визуализировать ее идентичность, отличную от аналогичных проектов доминирующих и других неравноправных сообществ.

Поэтому перед венгерскими, украинскими, хорватскими и другими националистами не стояла задача открыто визуализировать этничность, используя телесные практики саморепрезентации, связанные, например, с выбором одежды. В подобных ситуациях национализм стимулирует рост идеологий, основанных на распространении мифов и символов собственной группы (Hernández, 2019), что может проявляться и в ограниченной визуализации этнографичности тела путем намеренной актуализации народных элементов в одежде. Тем не менее культурная история Империи Габсбургов XIX – начала XX в., если рассматривать ее сквозь призму визуального поворота, содержит немногочисленные свидетельства подобной актуализации этнографического национального тела.

В частности, широко известной является фотография украинского поэта Ивана Франко (иллюстр. 8), на которой из под европейского костюма видна вышиванка. В аналогичной традиции позиционирования и визуализации наци-



онального тела выдержана и одна из фотографий современника И. Франко – Юлиана Панькевича (иллюстр. 9). Упомянутая фотография И. Франко в интеллектуальной и культурной истории Украины стала своеобразным местом памяти, что привело к последующему тиражированию образа. С модификациями она присутствуют на четырех вариантах купюры Национального Банка Украины номиналов в 20 гривен (иллюстр. 10, 11, 12, 13). Кроме этого, данный образ тиражировался на почтовых марках СССР и дважды на марках Украины после 1991 г., что привело к его превращению в своеобразный архетип украинского национального тела, сочетающего черты традиционной народной культуры и этнографичности с гражданским костюмом европейского типа.

Визуальная культурная история Австро-Венгрии представлена уникальными фотографическими свидетельствами, которые актуализируют различные формы, проявления и измерения визуализации и актуализации национального тела. С. Рамасвами, комментируя универсальную склонность национализма воображать нацию через телесность, полагает, что «нация живет буквально и символически в телах своих граждан, которые, в свою очередь, составляют национальную политическую систему» (Ramaswamy, 1998). В ряде случаев мы можем фиксировать одновременное сочетание нескольких идентичностей, представленных элементами разных национальных тел. Это, например, относится в двум визуальным источникам, представленным фотографиями братьев Вильгельма фон Габсбурга и Карла Лео фон Габсбурга – представителей правящей династии. Первая (иллюстр. 14) интересна тем, что австрийский аристократ облачен в украинскую вышиванку, а вторая (иллюстр. 15) – военной формой Войска Польского. В этом контексте мы можем констатировать ситуацию культурного фронта, что и привело к одновременной визуализации проявлений и элементов нескольких национальных тел, редуцированных в первом случае до этнографичности, а во втором – до триумфа гражданской и политической польской идентичности.

Хорватская модель визуализации национального тела представляется более сложной. Вероятно, мы можем выделить три формы функционирования национального политического тела в истории хорватского национализма конца XVIII – начала XX века, когда представления от телесности прошли путь от попыток продвижения изобретаемой этнографичности в стилистике польского сарматизма до воображаемой политической гражданской хорватской нации. Если на раннем этапе развития национализма интерес к национальной телесности был маркирован преимущественно проецированием на нее воображаемых этнографических и народных «иллирийских» атрибутов (Иллюстр. 16, 17, 18), фактически заимствованных из венгерского национального костюма, то позднее эта имитируемая этнография тела была вытеснена и ассимилирована «верующим» (Иллюстр. 19, 20, 21) и гражданским (Иллюстр. 22, 23, 24) политическим телом. В структуре Империи Габсбургов такие этнографически маркированные формы актуализации национального тела были характерны преимущественно для миноритарных групп.



Активность венгерских и немецкоязычных австрийских националистов в контексте воображения и конструирования образов национального тела имела иные векторы развития. Например, мы имеем не очень многочисленные визуальные источники (Иллюстр. 25, 26, 27, 28), фиксирующими представления о венгерском теле через призму этнографичности, но последняя относительно быстро ассимилируется теми «модными» тенденциями, которые маргинализировали народную одежду по мере укрепления серийной и стандартизированной венгерской идентичности.

### **Политическое революционное тело: идеологическое подавляет этнографическое**

---

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., стала причиной распада континентальных многосоставных европейских империй, что радикально изменило векторы и траектории визуализации этнографического элемента в политическом теле. Война привела к милитаризации тела: вчерашние крестьяне были вынуждены отказаться от еще в значительной степени традиционной одежды в пользу военной формы, а националистически мыслящие интеллектуалы оказались облачены в офицерские мундиры.

Серия политических революций в Европе конца 1910-х гг. привела к идеологизации тела, которая воспринимала этнографичность телесности как архаический рудимент. Революционное тело было в большей степени склонно воспроизводить идеологическое послание, но не актуализировать и визуализировать элементы этнической традиционной культуры. После первой мировой войны на территории Европы был институционализирован ряд правоавторитарных режимов, которые во второй половине 1940-х гг. были заменены левоавторитарными. Лидеры этих стран не проявляли склонности к визуализации этнографичности в политическом теле наций, которые они представляли.

Аналогичная тенденция была характерна и для миноритарных групп на территории бывшей Российской Империи. Немногочисленные попытки актуализации этнографического компонента в национальном теле являются посмертными и их следует признать как форму укрепления национальной идентичности путем изобретения соответствующих традиций визуализации национального тела, редуцированного той или иной фигурой новейшей истории. Например, в политической чувашской идентичности одно из центральных мест принадлежит поэту Сеспел Мишши, который на сохранившихся фотографиях представлен в полувоенной форме (Иллюстр. 29 – 30), но после смерти его образ был подвергнут политической канонизации, что предусматривало актуализацию этнографического уровня национального тела.

Вместе с тем, следует признать, что посмертная канонизация поэта преследовала преимущественно идеологические цели. Поэтому на большинстве полотен мы видим Сеспеля как политическое и идеологическое тело, которое актуализирует элементы революционной героики.



Тем не менее, некоторые портреты визуализируют и этнографическое в теле, но и оно ассимилировано или интегрировано в тело революционное. Подобно классической фотографии Ивана Франко, где под европейским пиджаком видна вышиванка, на портрете работы П. Чичканова (1952 г.) на народную рубаху поэта наброшена кожаная куртка (Иллюстр. 31), призванная актуализировать революционный пафос, а на полотне Н. Овчинова (1999 г.) этнографическое тело «проглядывает» из-под шинели (Иллюстр. 32). На полотнах П.Г. Кипарисова (1985) и А.Ф. Мясникова (1975) тело поэта – это прежде всего политическое и революционное, в то время как этнографическое тело представлено пассивными слушателями и зрителями (Иллюстр. 33 – 34), которые предстают как реципиенты новой революционной идеологии, символизируя тем самым смену парадигм в визуализации политического национального тела.

Эти тенденции содействовали тому, что актуализация и визуализация народного тела стала исключительно профессиональной и ситуативной. Народное тело было локализовано в экспозициях специализированных этнографических музеев, а его присутствие в политической и культурной повседневности оказалось ограничено фольклорными фестивалями и праздниками песни, что содействовало деполитизации этнографического в одежде. Поэтому подобная логика визуализации этнографичности в телесности актуализирует, с одной стороны, тенденции дискретности в присутствии народного тела в одежаниях представителей политического класса. С другой, этнографическое тело оказалось подвержено ассимиляции массовой культурой общества потребления, что привело к его мутациям в направлении актуализации не аутентичного этнографического материала, но его имитации и стилизации.

### **Новое постнациональное тело: китч ассимилирует политическое и этнографическое**

Развитие массовой культуры привело к маргинализации этнографического тела как в политической сфере, так и в культурных практиках общества потребления. На смену телу этнографическому пришли другие визуализированные формы и версии телесности, представленные геройским, эротическим, порнографическим, фантастическим телами, ставшими основами для формирования героев в современной культуре кинематографа – от кассово успешных международных кинопроектов до субкультурных попыток актуализации и визуализации проявлений телесности в рамках порнографического или эротического дискурсов.

Во всех этих новых версиях представления / представленности телесности практически не оставалось места не только для этнографического народного тела как самостоятельного актора этой новейшей культурной антропологии, но и для отдельных проявлений этнографичности как дополнительных опций и факультативных проявлений других, означенных выше, типов



тел. Маргинализации этнографического тела в целом содействовала не только его культурная изоляция на уровне специфических пространств музеев и фольклорных ансамблей и фестивалей, но и тенденции к последовательной китchezации культурного продукта общества потребления.

Логика последнего, как правило, ориентированная на рынок, воспринимает тело утилитарно. Поэтому подобный сугубо практико-ориентированный подход доминирует и в коллективных стратегиях облачения тела для его представления в социальных пространствах. В этой ситуации этнографическое смешивается с политическим (Иллюстр. 35 – 36), что приводит к появлению новых культурных феноменов телесности, сочетающей весьма условную этнографичность, сосуществующую с ассимилированными политическими мотивами, упрощенными и адаптированными для рынка как одной из основ функционирования той культурной модели, которая лежит в основе общества потребления.

Этнографичность в такой ситуации не является аутентичной основой, представляя собой преимущественно визуально «привлекательный» конструкт, предназначенный для удовлетворения запросов на этническую моду (Иллюстр. 37 – 38), хотя последняя не восстанавливает оригинальные формы одевания тела, но предлагает новые версии телесности, которые фактически следует воспринимать как изобретенные традиции. В этом случае этнографическое может быть заменено политическим и идеологическим телом, но его проявления радикально отличны от модусов актуализации телесности и связанного с ней идеологического послания, которое могло использоваться в XIX – XX веках. Подобная версия тела как конструкта склонна актуализировать биологическую телесность, ее особенности и проявления, интегрированные в упрощенный политический контекст.

Именно поэтому автор статьи определяет эти новейшие стратегии визуализации и актуализации телесности как формы политически мотивированного китча. Структурно и визуально к такому проявлению этнографического тела, редуцированного до симулякра и китча, близки проявления этнографической телесности в современной российской музыкальной культуре, но и они в целом вписываются в логику имитации и маргинализации этнографического элемента тела как рудимента.

## **Выводы**

---

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые на протяжении изучаемого периода определяли основные векторы и траектории визуализации и актуализации национального тела как этнографически подчеркнутого и определенного конструкта.

Визуализация этничности в телесности стала формой апелляции к традициям исторической, культурной и этнической непрерывности в истории тех или иных миноритарных групп в многосоставных империях XIX века.



В наибольшей степени эта тенденция проявилась в истории становления современной нации в Польше, политическая и интеллектуальная элита которой апеллировала к идеологии сарматизма, указывая на мифические связи поляков, точнее – польской шляхты, с этой группой, которая определялась как предковая. В этом отношении актуализации такой изобретенной и отчасти фантастической этничности, представленной предметами одежды, которая покрывала тело, в большей степени актуализировала потенциал национализма в конструировании идентичности, с одной стороны, и его значительный адаптивный потенциал, с другой, так как тело стало пространством политической пропаганды.

Визуализированная этничность в теле стала изобретенной традицией. Многие этнографические компоненты, которые покрывали тело и воспринимались как исконно традиционные, народные и аутентичные фактически стали изобретением националистически ориентированных интеллектуалов, понимавших мобилизационный потенциал подобной визуальности, сконструированной в этнически выверенной системе координат. Поэтому подчеркнутое ношение на теле предметов и атрибутов, соотносимых с народной одеждой той или иной миноритарной группы, стало политической изобретенной традицией, которая синтезировала ценности этнической нации с принципами последней не как гражданского воображаемого сообщества.

Активной визуализации этничности как изобретенной традиции содействовало превращение миноритарных групп в воображаемые сообщества как политические нации. В этом контексте не следует преуменьшать роль и значение националистического воображения и конструирования национального тела с использованием этнографических элементов. Поэтому для миноритарных национализмов изобретение национального тела, которое визуализировало этнографические особенности нации, имело столь же важное значение, как и конструирование собственной нации в категориях политического сообщества граждан. Кроме того, националисты отдавали себе отчет в том, что представители миноритарных групп должны визуально отличаться от доминантных сообществ. В этой ситуации изобретение национального тела путем интеграции этнографического компонента в стиль одежды стало одной из важных тактик, направленных на консолидацию и укрепление идентичности.

На протяжении XX – начала XXI века визуализация этнографической этничности стала играть меньшую роль в сравнении с актуализацией политической компоненты, которая в большей степени соотносилась с особенностями режима, но не этническими и культурными традициями группы. Политические лидеры и интеллектуалы в XX – начале XXI века, в сравнении с их историческими предшественниками, как правило, уделяют гораздо меньше внимания национальному и этническому колориту в своих тактиках и стратегиях, направленных на общественное позиционирование национального тела. Отдельные периферийные европейские страны, включая Грузию и Украину,



где этническое в теле представлено и визуализировано более явно, в отличии от других государств, представляют собой исключение среди других политических сообществ, в которых пространство позиционирования этнически выраженной телесности ограничено этнографическими музеями.

Опыт ряда постсоветских стран, наоборот, актуализирует опыт игнорирования этничности и этнографичности в теле в ущерб проявлениям политической культуры, которые актуализируют и визуализируют биологические и гендерные проявления телесности, имея в большей степени отношение к китчу, но не к актуализации этнографического измерения тела. В целом, коллективные представления современных наций о национальном теле формировались путем актуализации этнического, конструирования, воображения и изобретения визуализированной этнографичности, которая могла подчеркивать антропологические особенности и проявления телесности тех или иных миноритарных групп на этапе их вынужденного пребывания в структуре многосоставных континентальных европейских империй.

По мере развития массовой культуры, унификации стандартов моды этнографичность тела, намеренно подчеркнутая, сознательно актуализированная и визуализированная, стала культурным и социальным анахронизмом. Поэтому попытки ее визуализации приобрели ситуативный характер, став одной из изобретенных традиций, который редуцировали этничность, маргинализировали ее в современном обществе, резко сократив число пространств и событий, в рамках которых становится возможной визуализация телесности в этнографически выверенной системе координат. Тело, покрытое народными одеяниями или имитирующими их, комфортно чувствует себя почти исключительно в этнографических музеях или в рамках проведения фольклорных фестивалей. Поэтому народному этнографическому телу крайне сложно конкурировать с телом, облаченным в результат массового производства или марки модных брендов, хотя последние периодически стремятся актуализировать потенциал этничности, что, правда, не имеет шансов стать нормой и доминирующей тенденцией.

Таким образом, этнографическая компонента тела нуждается в дальнейшем изучении как на уровне истории моды и смены культурных предпочтений модернизирующихся групп и общества потребления, так и в контексте ассимиляции традиционной народной культуры модой общества потребления, что актуализирует различные тактики и стратегии визуализации телесности, в значительной степени отличные друг от друга в западных и восточных обществах.





**Иллюстр. 2. Игнаци Завиша. 1732**

**Ilustr. 2. Ihnaci Zawiša. 1732**

**Источник / Source: Марозова, С. (2001) /Marozova, S. (2001).**



**Иллюстр. 3. Портрет Юзефа Цехонского, Ян Матейко, 1873 г.**

**Ilustr. 3. Portrait of Józef Ciecchoński, Jan Matejko, 1873**

**Источник / Source: Krawczyk, J. (1990).**



**Иллюстр 4, 5, 6, 7. Элементы «сарматского» в политическом и этнографическом теле в представлении Тимофея Калыньского**

**Illustr 4, 5, 6, 7. Elements of "Sarmatian" in the political and ethnographic body in the view-point of Tymofej Kalyns'kyi**

**Источник / Source: Ригельман, А. (1847) / Rigelman, A. (1847).**



**Иллюстр. 8 – 13.  
Ограниченная и редуцированная этнографичность  
политического тела**

**Illustr. 8 – 13.  
Limited and reduced ethnographic character of the political body**

Иллюстр. 8 – 13 демонстрируют проявления моды на актуализацию ассимилированного этнографического тела в культурных практиках украинского национализма, а также превращение одной из фотографий Ивана Франко в «место памяти» путем локализации поэта на национальной валюте

Illustr. 8 - 13 demonstrate the manifestations of the fashion for the actualization of the assimilated ethnographic body in the cultural practices of Ukrainian nationalism, as well as the transformation of one of Ivan Franko's photographs into a “place of memory” by localizing the poet on the national banknotes



**Иллюстр. 8. Иван Франко**

**Illustr. 8. Ivan Franko**

**Источник / Source:**

**File:Иван Якович Франко.jpg.  
[https://commons.wikimedia.org/wiki/  
File:Иван\\_Якович\\_Франко.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Иван_Якович_Франко.jpg)**



**Иллюстр. 9. Юлиан Панькевич**

**Illustr. 9. Yulian Pan'kevych**

**Источник / Source:**

**File:Yulian Pankevych (before 1900).jpg.  
[https://en.wikipedia.org/wiki/  
Yulian\\_Pankevych#/media/  
File:Pankewich\\_Ui.jpg](https://en.wikipedia.org/wiki/Yulian_Pankevych#/media/File:Pankewich_Ui.jpg)**



Иллюстр. 10, 11, 12, 13. «Этнографизированное» национальное тело на купюре 20 гривень Национального Банка Украины образца 1992, 2000, 2003 и 2016 гг.

Иллюстр. 10, 11, 12, 13. “Ethnographized” national body on the banknote of 20 hryvnias of the National Bank of Ukraine of the sample of 1992, 2000, 2003 and 2016

Источник / Source: Загородній, А. (2020). / Zahorodniy, A. (2020).



**Иллюстр. 14 – 15.**

**Конструирование национального тела: братья Вильгельм Габсбург и Карл Лео Габсбург  
в украинской вышиванке и форме офицера Войска Польского**

**Illustr. 14 – 15.**

**Construction of a national body: brothers Wilhelm Habsburg and Karl Leo Habsburg in  
Ukrainian vyshyvanka and the uniform of an officer of the Polish Army**



**Иллюстр. 14. Вильгельм фон Габсбург**

**Illustr. 14. Wilhelm von Habsburg**



**Иллюстр. 15. Карл Лео фон Габсбург**

**Illustr. 15. Karl Leo von Habsburg**

**Источник / Source: Snyder, T. (2008).**

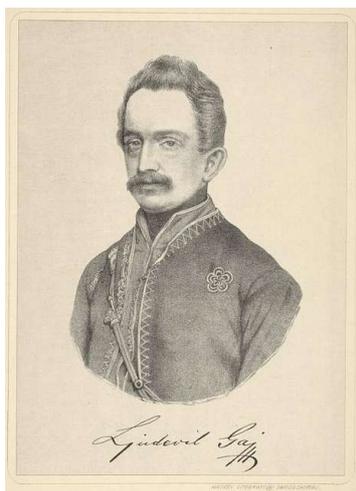


**Иллюстр. 16 – 24.**

**Три формы функционирования национального политического тела в истории хорватского национализма: от изобретаемой этнографичности до воображаемой нации**

**Illustr. 16 – 24.**

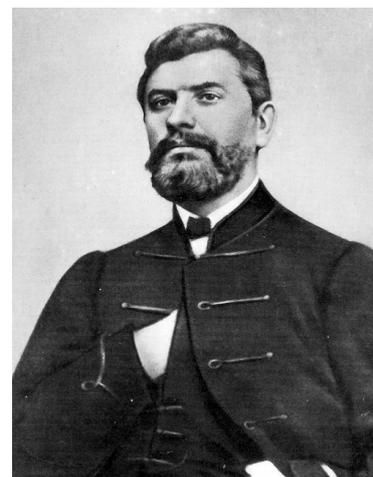
**Three forms of functioning of the national political body in the history of Croatian nationalism: from invented ethnography to imagining nation**



**Ljudevit Gaj**  
(1809 – 1872)



**Eugen Kvaternik**  
(1825 – 1871)



**Ante Starčević**  
(1823 – 1896)

**Иллюстр. 16, 17, 18. Изобретение «иллирийского» тела как раннего хорватского национального**

**Illustr. 16, 17, 18. Invention of the “Illyrian” body as an early Croatian national**



**Mirko Ožegović**  
(1775 – 1869)



**Aleksandar Alagović**  
(1760 – 1837)



**Josip Juraj Strossmayer**  
(1815 – 1905)

**Иллюстр. 19, 20, 21. Визуализация верующего тела  
как хорватского национального**

**Illustr. 19, 20, 21. Visualization of the believing body as a Croatian national one**



**Stjepan Radić**  
(1871 – 1928)



**Mile Budak**  
(1889 – 1945)



**Mladen Lorković**  
(1909 – 1945)

**Иллюстр. 22, 23, 24. Ассимилированное национальное тело**

**Illustr. 22, 23, 24. Assimilated national body**

**Источник / Source: Hrvatski političari do 1918.  
[https://hr.wikipedia.org/wiki/Kategorija:Hrvatski\\_političari\\_do\\_1918](https://hr.wikipedia.org/wiki/Kategorija:Hrvatski_političari_do_1918).**



**Иллюстр. 25 – 28.**

**Ассимиляция этнографических проявлений телесности в венгерском политическом теле**

Национальное и этнографическое в венгерском политическом теле оказалось менее устойчивым компонентом в националистическом воображении в сравнении, например, с политическими традициями визуализации телесности украинского или хорватского национализмов в Империи Габсбургов. Этнографическое тело было ассимилировано телом политическим, призванным подчеркивать и актуализировать единство венгров как гражданской нации. Эрозия образов этнографического тела в венгерском националистическом воображении стала следствием одновременного воздействия нескольких факторов: лингвистически венгры четко отличались от своих славянских, романских и германских соседей; политический и государственный опыт стимулировал консолидацию этничности как компонента идентичности; венгры имели свой собственный национальный политический класс, который активно участвовал в реформе монархии Габсбургов и институционализации особого статуса венгерских земель. Как результат, венгры фактически стали второй политической нацией в империи, что стимулировало их политиков защищать особый статус, превратив этнографичность, в том числе визуальную и телесную, в менее важный и второстепенный фактор. Триумф политического над этническим привел к маргинализации этнографичности и ее миграции в специализированные музеи, ставшие своеобразными культурными резервациями крестьянского тела как подчеркнуто традиционного, архаического и этнографического тела, которое еще не было подвергнуто националистической стандартизации путем «изобретения традиций».



**Иллюстр. / Illustr. 25.**



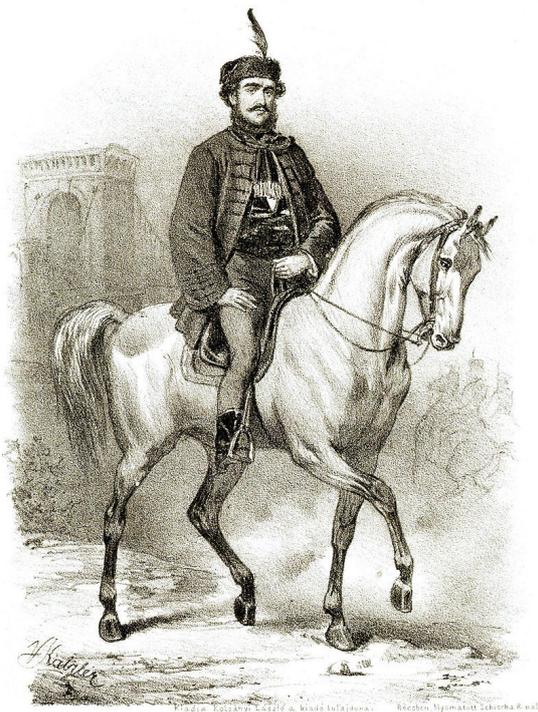
**Иллюстр. / Illustr. 26.**



**Иллюстр. 25 – 28**

**Assimilation of ethnographic dimensions of corporality in the Hungarian political body**

The national and ethnographic in the Hungarian political body turned out to be a less stable component in the nationalist imagination in comparison, for example, with the political traditions of visualizing the corporeality of Ukrainian or Croatian nationalisms in the Habsburg Empire. The ethnographic body was assimilated by the political body, designed to emphasize and actualize the unity of the Hungarians as a civil nation. The erosion of the images of the ethnographic body in the Hungarian nationalist imagination was the result of the simultaneous influence of several factors: linguistically, the Hungarians were clearly different from their Slavic, Roman and Germanic neighbours; political and state experience stimulated the consolidation of ethnicity as a component of identity; the Hungarians had their own national political class, which participated actively in the transformation of the Habsburg monarchy and the institutionalization of the special status of the Hungarian lands. As a result, the Hungarians actually became the second political nation in the empire, which stimulated their politicians to defend a special status, turning ethnography, including visual and physical corporality, into a less important and secondary factor. The triumph of the political over the ethnic led to the marginalization of ethnographicity and its migration to specialized museums, which became a kind of cultural reservation of the peasant body as an emphatically traditional, archaic and ethnographic body, which had not yet been subjected to nationalistic standardization through the “invention of traditions”.

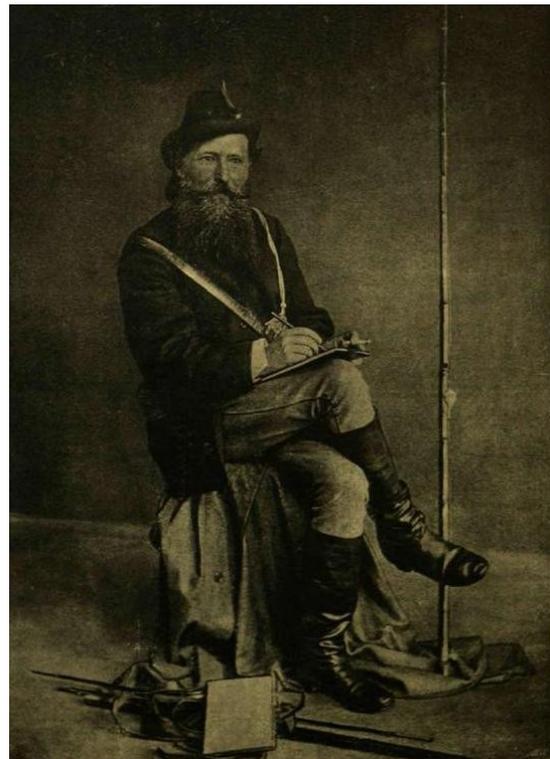


**Иллюстр. 27 / Illustr. 27**

Иллюстр. 25. Мор Йокаи

Illustr. 25. Jókai Mór

Источник / Source: Jókai, M. (1886).



**Иллюстр. 28 / Illustr. 28**

Иллюстр. 26. Самая ранняя известная фотография Лайоша Кошута (1847 г.)



Иллюстр. 26. Earliest known photograph by Lajos Kossuth (1847)

Источник / Source: Kossuth legkorábbi ismert fényképe (1847). [http://fotomuveszet.net/korabbi\\_szamok/201102/escher\\_karoly\\_restauralasi\\_a\\_petofidagerrotipia\\_elott?PHPSESSID=5d578243154c9e08befa67bb399280b6](http://fotomuveszet.net/korabbi_szamok/201102/escher_karoly_restauralasi_a_petofidagerrotipia_elott?PHPSESSID=5d578243154c9e08befa67bb399280b6)

Иллюстр. 27. Портрет Иштвана Сечени. Литография Винзенца Кацлера

Иллюстр. 27. Portrait of István Széchenyi. Lithograph by Vinzenz Katzler

Источник / Source: Széchenyi István portréja. Vinzenz Katzler litográfiája. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Katzler\\_Széchenyi.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Katzler_Széchenyi.jpg)

Иллюстр. 28. Отто Герман в поездке на рыбалку

Иллюстр. 28. Otto Herman on a fishing trip

Источник / Source: Herman Ottó halászati tanulmányúton. Vasárnapi Ujság, 1887, 15. [https://hu.wikipedia.org/wiki/Herman\\_Ottó#/media/Fájl:Herman\\_Ottó\\_halászati\\_tanulmányútján.jpg](https://hu.wikipedia.org/wiki/Herman_Ottó#/media/Fájl:Herman_Ottó_halászati_tanulmányútján.jpg)

**Иллюстр. 29 – 34.**

**Национальное тело как революционное: образы Śešpěl Mišši и проблемы посмертной этнографизации политического тела**

**Иллюстр. 29 – 34.**

**National body as revolutionary: images of Śešpěl Mišši and problems of post-mortem ethnographization of the political body**



**Иллюстр. 29.**



**Иллюстр. 30.**



Иллюстр. 29. Сеспель. Казань. Ноябрь, 1919 г.

Иллюстр. 30. Сеспель. Тетюши. 1920 г.

Иллюстр. 29. Mišši Šešpěl. Kazan. November, 1919

Иллюстр. 30. Mišši Šešpěl. Tetyushi. 1920

Источник / Source: Портреты М. Сеспеля. [http://www.nbchr.ru/virt\\_sespel/photo1.htm](http://www.nbchr.ru/virt_sespel/photo1.htm)



**Иллюстр. 31.**

Иллюстр. 31. П.Н. Чичканов. Портрет М. Сеспеля. 1952 г.

Иллюстр. 32. Н.В. Овчинников. Сеспель Мишши. 1999 г.

Иллюстр. 31. P.N. Chichkanov. Portrait of Mišši Šešpěl. 1952

Иллюстр. 32. N.V. Ovchinnikov. Mišši Šešpěl. 1999

Иллюстр. 33. П. Кипарисов. Михаил Сеспель (1919 г.) Чувашский поэт организует революционные отряды среди крестьян против Колчака (1985 г.)

Иллюстр. 34. А. Мясников. Сеспель проводит митинг в Яльчиках в честь организации комсомола в 1920 году (1975 г.)

Иллюстр. 33. P. Kiparisov. Mišši Šešpěl (1919) Chuvash poet organizes revolutionary detachments among the peasants against Kolchak (1985)

Иллюстр. 34. A. Myasnikov. Mišši Šešpěl holds a rally in Yalchiki in honor of the organization of the Komsomol in 1920 (1975)

Источник / Source: Образ М. Сеспеля в искусстве. [http://www.nbchr.ru/virt\\_sespel/photo4.htm](http://www.nbchr.ru/virt_sespel/photo4.htm)



**Иллюстр. 33**



**Иллюстр. 34**

**Иллюстр. 35 – 38**

**Проявления китча в современных симулякрах политического  
и этнографического тела**



**Illustr. 35 – 38**  
**Forms of kitsch in modern simulacra of the political  
and ethnographic body**

Массовая культура и потребления становятся основными факторами, которые определяют тренды визуализации этнографического тела в представлениях о телесности современного общества. Поэтому аутентичная телесность продолжает оставаться системным компонентом культурных гетто и резерваций, представленных этнографическими музеями, которые визуализируют те формы тела, которые близки к его историческому и культурного предку и предшественнику, представленному крестьянским телом как аутентичным телом, ставшим основой для воображения и изобретения тела нации. Аутентичная народная телесность стала синонимом этнографической телесности, а ее роль в обществе маргинальна. Общество, основанное на культуре потребления, склонно визуализировать другие формы телесности, которая стала следствием ассимиляции этнографического и политического. Китч стал основным источником этой ассимиляции. Поэтому вместо этнографического и политического тела современная телесность представлена симулякрами, которые имитируют атрибуты политического и этнографического тела.

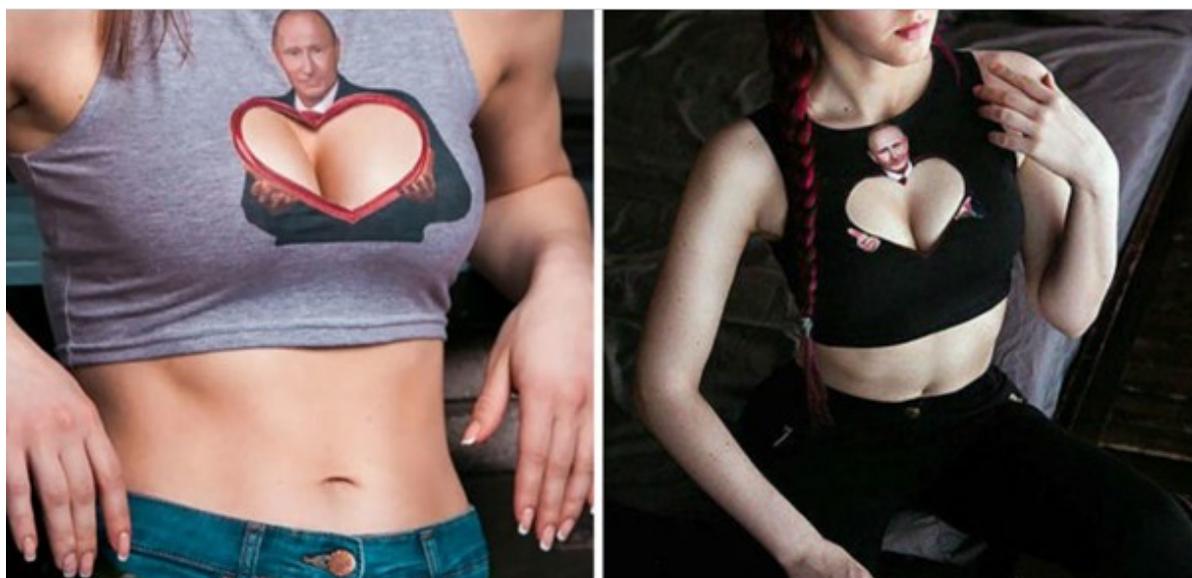
Mass culture and consumption are becoming the main factors that determine the trends of ethnographic body visualization and ideas about the corporality of modern society. Therefore, authentic corporeality continues to be a systemic component of cultural ghettos and reservations represented by ethnographic museums visualizing those forms of the body that are close to its historical and cultural ancestors and predecessors, represented by the peasant body as an authentic body that became the basis for the imagination and invention of the body of the nation. Authentic folk physicality became synonymous with ethnographic physicality, and its role in society is marginal. A society based on a culture of consumption tends to visualize other forms of corporality, emerging as the result of assimilation of the ethnographic and political bodies. Kitsch became the main source of this assimilation. Therefore, instead of an ethnographic and political body, modern corporality is represented by simulacra that imitate the attributes of a political and ethnographic bodies.

Иллюстр. 35 – 36. Проект «Сет»: Поддержка Путина через одежду

Illustr. 35 – 36. Project “Set”: Support for Putin through dress

Иллюстр. 37 – 38. Возрождение «традиционной российской одежды»

Illustr. 37 – 38. Revival of “traditional Russian dress”



Иллюстр. 35 – 36.



Иллюстр. 37 – 38.

Источник / Source: Novikov, A. (2017).



## Список литературы

---

- Alexander, S. A. J. (2011). M/othering the Nation: Women's Bodies as Nationalist Trope in Edwidge Danticat's "Breath, Eyes, Memory." *African American Review*, 44(3), 373–390. <https://doi.org/10.1353/afa.2010.0032>
- Baár, M. (2010). *Historians and nationalism: East-Central Europe in the nineteenth century*. OUP Oxford. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199581184.001.0001>
- Björnsdóttir, I. D. (1997). Nationalism, gender and the body in Icelandic nationalist discourse. *NORA—Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 5(1), 3–13. <https://doi.org/10.1080/08038740.1997.9959702>
- Böhm, G. (1994). *Was ist ein Bild [What is an image]*. Wilhelm Fink Verlag. (In German).
- Bošković, A. (2019). Anthropology and Nationalism. *American Anthropologist*, 121(4), 924–928. <https://doi.org/10.1111/aman.13338>
- Buchowski, M. (2019). Against Nationalism and the Idea of Auxiliary Anthropologies. *American Anthropologist*, 121(4), 932–933. <https://doi.org/10.1111/aman.13341>
- Carrera, M. M. (2003). *Imagining identity in New Spain: Race, lineage, and the colonial body in portraiture and casta paintings*. University of Texas Press. <https://doi.org/10.7560/712454>
- Czapliński, P. (2015). Plebejski, populistyczny, posthistoryczny. Formy polityczności sarmatyzmu masowego [Plebeian, populist, post-historical. Forms of politicality of mass Sarmatism]. *Teksty Drugie*, 1, 21–45. (In Polish).
- Dominguez, V. R., & Metzner, E. (2019). World anthropologies. Foreword. *American Anthropologist*, 121(4), 923–924. <https://doi.org/10.1111/aman.13337>
- Fagoaga Hernández, R. A. (2019). Invisible Anthropologies in National and World Anthropologies. *American Anthropologist*, 121(4), 930–932. <https://doi.org/10.1111/aman.13340>
- Horoszkiewicz, J. (1900). *Strój narodowy w Polsce [National costume in Poland]*. Spółka wydawnicza polska. (In Polish).
- Janzen, R. (2015). *The National Body in Mexican Literature: Collective challenges to biopolitical control*. Palgrave Macmillan. [https://doi.org/10.1057/9781137543011\\_1](https://doi.org/10.1057/9781137543011_1)
- Jha, M. R. (2015). *The Global Beauty Industry: Colorism, Racism, and the National Body* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315733432>
- Jókai, M. (1886). *A lőcsei fehér asszony [The white woman from Lőcsa]*. Révai Testvérek kiadása. (In Hungarian).
- Kashanipour, J. (2021). The Gradual Gaze: Drawing as a Practice of Ethnographic Description. *Anthropology and Humanism*, 46(1), 81–94. <https://doi.org/10.1111/anhu.12325>
- Krawczyk, J. (1990). *Matejko i historia [Matejko and history]*. Instytut Sztuki PAN. (In Polish).
- Mirzoeff, N. (1999). *An introduction to visual culture*. Routledge.
- Mitchell, W. J. T. (1994). *Picture theory: Essays on verbal and visual representation*. University of Chicago Press.
- Musolff, A. (2021). National Conceptualisations of the Body Politic: Cultural Experience and Political Imagination. *Springer Nature*. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-8740-5>



- Norton, C. (Ed.). (2007). *Nationalism, historiography, and the (re)construction of the past*. New Academia Pub.
- Novikov, A. (2017, July 4). The Visual Language of Neo-Nationalism: Patriotic Fashion in East-Central Europe and Central Asia [Billet]. *TRAFO – Blog for Transregional Research*. <https://trafo.hypotheses.org/7082>
- O'Brien, G. V. (2018). *Contagion and the National Body: The Organism Metaphor in American Thought* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315141633>
- Ramaswamy, S. (1998). Body Language: The Somatics of Nationalism in Tamil India. *Gender & History*, 10(1), 78–109. <https://doi.org/10.1111/1468-0424.00090>
- Reuter, T. (2019). Anthropology and Resurgent Nationalism. *American Anthropologist*, 121(4), 928–930. <https://doi.org/10.1111/aman.13339>
- Sieradzka, A. (2003). *Tysiąc lat ubiorów w Polsce [A thousand years of clothing in Poland]*. Arkady. (In Polish).
- Snyder, T. (2008). *The Red Prince. The Secret Lives of a Habsburg Archduke*. Bodley Head Publisher.
- Sowa, J. (2011). *Fantomowe ciało króla [The phantom body of the king]*. Universitas. (In Polish).
- Storm, H. J., & Berger, S. (2019). *Writing the History of Nationalism*. Bloomsbury Academic.
- Whiffin, S. (2016). Body image and notions of nationalism and modernity. *Brighton Journal of Research in Health Sciences*, 1(2). <https://blogs.brighton.ac.uk/bjrhs/2016/02/09/body-image-and-notions-of-nationalism-and-modernity/>
- Загородній, А. (2020). Дизайн і захист грошових знаків України [Дизайн и защита денежных знаков Украины]. Національний банк України. (На украинском).
- Ігнацюк, А. А. (2007). Сармацкі партрэт сучаснікаў Льва Сапегі [Сарматский портрет современников Льва Сапегі]. В *Сапега і яго час* (сс. 324–326). Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт. (На белорусском).
- Карпенка, А. (2013). Партрэты ўладароў і магнатаў ВКЛ (з музеяў Львова і Луцка) [Портреты властителей и магнатов ВКЛ (из музеев Львова и Луцка)]. *Беларускі гістарычны часопіс*, 6, 19–27. (На белорусском).
- Кирчанов, М. В. (2020a). Изобрести, деконструировать и снова изобрести Супергероя: Злоключения национального героя в современных культурах национализма (от националистического политического плаката к комиксу массовой культуры). *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(3), 193–222. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i3.112>
- Кирчанов, М. В. (2020b). Морфология тела и телесности в порно: Идеологизация телесности, или как тела заговорили по-русски. *Corpus Mundi*, 1(4), 70–94. <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i4.33>
- Кирчанов, М. В. (2021a). Телесность в стране Руставели: Злоключения и путешествия грузинского тела между романтическим картвельским национализмом и потреблением массовой культуры. *Corpus Mundi*, 2(1), 14–67. <https://doi.org/10.46539/cmj.v2i1.36>
- Кирчанов, М. В. (2021b). Феминная телесность в массовой культуре Ирана: Между обнажением и маргинализацией. *Corpus Mundi*, 2(3), 70–124. <https://doi.org/10.46539/cmj.v2i3.42>
- Кирчанов, М. В. (2022). Обнаженная феминная телесность как изобретенная традиция в массовой культуре Южной Азии. *Corpus Mundi*, 3(1), 73–122. <https://doi.org/10.46539/cmj.v3i1.61>



- Клімуць, Л. Я. (2006). *Сарматызм у культуры беларускіх зямель Рэчы Паспалітай* [Сарматизм в культуре белорусских земель Речи Посполитой]. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Куляшова. (На беларуском).
- Лескинен, М. В. (2002). *Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой*. Институт славяноведения РАН.
- Марозова, С. (2001). *Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596 – 1839 гады)* [Униатская церковь в этнокультурном развитии Беларуси (1596-1839 годы)]. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы. (На беларуском).
- Ригельман, А. (1847). *Летописное повествование о Малой России и ее народах и казаках вообще, отколь и из какого рода оные свое происхождение имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: Черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские, и проч. Казаки, как равно и слободские полки*. Университетская типография.
- Тананаева, Л. (1979). *Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко*. Наука.
- Томашева, И. Г. (2016). *Портрет в живописи Беларуси эпохи Ренессанса и барокко: Вопросы стиля и типологии*. Искусство и культура, 3, 44–53.
- Хадыка, А. (1992). *Старобеларуская шляхецкая мода*. Спадчына, 3, 51–56.
- Шыдлоўскі, С. (2011). *Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг.* [Культура привилегированного сословия Беларуси: 1795–1864 гг.]. Беларуская навука. (На беларуском).

## References

---

- Alexander, S. A. J. (2011). *M/othering the Nation: Women's Bodies as Nationalist Trope in Edwidge Danticat's "Breath, Eyes, Memory."* *African American Review*, 44(3), 373–390. <https://doi.org/10.1353/afa.2010.0032>
- Baár, M. (2010). *Historians and nationalism: East-Central Europe in the nineteenth century*. OUP Oxford. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199581184.001.0001>
- Björnsdóttir, I. D. (1997). *Nationalism, gender and the body in Icelandic nationalist discourse*. *NORA—Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 5(1), 3–13. <https://doi.org/10.1080/08038740.1997.9959702>
- Böhm, G. (1994). *Was ist ein Bild [What is an image]*. Wilhelm Fink Verlag. (In German).
- Bošković, A. (2019). *Anthropology and Nationalism*. *American Anthropologist*, 121(4), 924–928. <https://doi.org/10.1111/aman.13338>
- Buchowski, M. (2019). *Against Nationalism and the Idea of Auxiliary Anthropologies*. *American Anthropologist*, 121(4), 932–933. <https://doi.org/10.1111/aman.13341>
- Carrera, M. M. (2003). *Imagining identity in New Spain: Race, lineage, and the colonial body in portraiture and casta paintings*. University of Texas Press. <https://doi.org/10.7560/712454>
- Chadyka, A. (1992). *Old Belarusian noble fashion*. *Heritage*, 3, 51 – 56. (in Belarus.)



- Czapliński, P. (2015). Plebejski, populistyczny, posthistoryczny. Formy polityczności sarmatyzmu masowego [Plebeian, populist, post-historical. Forms of politicality of mass Sarmatism]. *Teksty Drugie*, 1, 21–45. (In Polish).
- Dominguez, V. R., & Metzner, E. (2019). World anthropologies. Foreword. *American Anthropologist*, 121(4), 923–924. <https://doi.org/10.1111/aman.13337>
- Fagoaga Hernández, R. A. (2019). Invisible Anthropologies in National and World Anthropologies. *American Anthropologist*, 121(4), 930–932. <https://doi.org/10.1111/aman.13340>
- Horoszkiewicz, J. (1900). *Strój narodowy w Polsce* [National costume in Poland]. Spółka wydawnicza polska. (In Polish).
- Ihnaciuk, A. A. (2007). Sarmatian portrait of Leo Sapega's contemporaries. In *Sapega and his time* (pp. 324–326). Grodno State University. (In Belarusian).
- Janzen, R. (2015). *The National Body in Mexican Literature: Collective challenges to biopolitical control*. Palgrave Macmillan. [https://doi.org/10.1057/9781137543011\\_1](https://doi.org/10.1057/9781137543011_1)
- Jha, M. R. (2015). *The Global Beauty Industry: Colorism, Racism, and the National Body* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315733432>
- Jókai, M. (1886). *A löcsei fehér asszony* [The white woman from Lócs]. Révai Testvérek. (In Hungarian).
- Karpienka, A. (2013). Portraits of rulers and magnates of the Great Principality of Lithuania (from Lviv and Luts'k museums). *Belarusian Historical Journal*, 6, 19–27. (In Belarusian).
- Kashanipour, J. (2021). The Gradual Gaze: Drawing as a Practice of Ethnographic Description. *Anthropology and Humanism*, 46(1), 81–94. <https://doi.org/10.1111/anhu.12325>
- Klimuć, L. (2006). *Sarmatism in the culture of the Belarusian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth*. The Kulashov State University of Magilew. (In Belarusian).
- Krawczyk, J. (1990). *Matejko i historia* [Matejko and history]. Instytut Sztuki PAN. (In Polish).
- Kyrchanoff, M. W. (2020a). Invent, Deconstruct and Reinvent the Superhero: the Misadventures of the National Hero in the Modern Cultures of Nationalism (from the Nationalist Political Poster to the Comic Book of Mass Culture). *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2(3), 193–222. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i3.112> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. W. (2020b). Morphology of Body and Corporality in Porn: Ideologization of Body, or How Bodies Started to Speak in Russian. *Corpus Mundi*, 1(4), 70–94. <https://doi.org/10.46539/cmj.v1i4.33> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. W. (2021a). Corporeality in Rustaveli Land: Georgian Body Misadventures and Travels Between Romantic Kartvelian Nationalism and Consumerism of Mass Culture. *Corpus Mundi*, 2(1), 14–67. <https://doi.org/10.46539/cmj.v2i1.36> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. W. (2021b). Feminine Body in the Mass Culture of Iran: between Nudity and Marginalization. *Corpus Mundi*, 2(3), 70–124. <https://doi.org/10.46539/cmj.v2i3.42> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. W. (2022). Naked Feminine Physicality as an Invented Tradition in South Asian Popular Culture. *Corpus Mundi*, 3(1), 73–122. <https://doi.org/10.46539/cmj.v3i1.61> (In Russian).
- Leskinen, M. V. (2002). *Myths and Images of Sarmatism. The Origins of the National Ideology of the Rzeczpospolita*. Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Marozova, S. (2001). *The Uniate Church in the Ethnocultural Development of Belarus (1596–1839)*. Yanka Kupala State University of Grodno. (In Belarusian).
- Mirzoeff, N. (1999). *An introduction to visual culture*. Routledge.



- Mitchell, W. J. T. (1994). *Picture theory: Essays on verbal and visual representation*. University of Chicago Press.
- Musuloff, A. (2021). *National Conceptualisations of the Body Politic: Cultural Experience and Political Imagination*. Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-8740-5>
- Norton, C. (Ed.). (2007). *Nationalism, historiography, and the (re)construction of the past*. New Academia Pub.
- Novikov, A. (2017, July 4). The Visual Language of Neo-Nationalism: Patriotic Fashion in East-Central Europe and Central Asia [Billet]. TRAF0 – Blog for Transregional Research. <https://trafo.hypotheses.org/7082>
- O'Brien, G. V. (2018). *Contagion and the National Body: The Organism Metaphor in American Thought* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315141633>
- Ramaswamy, S. (1998). Body Language: The Somatics of Nationalism in Tamil India. *Gender & History*, 10(1), 78–109. <https://doi.org/10.1111/1468-0424.00090>
- Reuter, T. (2019). Anthropology and Resurgent Nationalism. *American Anthropologist*, 121(4), 928–930. <https://doi.org/10.1111/aman.13339>
- Rigelman, A. (1847). *Annalistic narrative about the Minor Russia and its peoples and Cossacks in general, where and from this kind origin, and for what reasons they now live in their places, including: Cherkasy or Minor Russian and Zaporozhye, and about Don, Yaik, Ural, Grebensk, Siberian, Volga, Terek, Nekrasov and other Cossacks, as well as Sloboda regiments*. University Printing House. (In Russian).
- Šydloŭski, S. (2011). *Culture of the privileged class of Belarus: 1795 – 1864*. Belarusian science (in Belarusian)
- Sieradzka, A. (2003). *Tysiąc lat ubiorów w Polsce [A thousand years of clothing in Poland]*. Arkady. (In Polish).
- Snyder, T. (2008). *The Red Prince. The Secret Lives of a Habsburg Archduke*. Bodley Head Publisher.
- Sowa, J. (2011). *Fantomowe ciało króla [The phantom body of the king]*. Universitas. (In Polish).
- Storm, H. J., & Berger, S. (2019). *Writing the History of Nationalism*. Bloomsbury Academic.
- Tananaeva, L. (1979). *Sarmatian Portrait. From the history of Polish Baroque portraiture*. Nauka. (In Russian).
- Tomasheva, I. G. (2016). Belarusian Portrait Painting of the Renaissance and Baroque: the Issue of Style and Typology. *Art and Culture*, 3, 44–53. (In Russian).
- Whiffin, S. (2016). Body image and notions of nationalism and modernity. *Brighton Journal of Research in Health Sciences*, 1(2). <https://blogs.brighton.ac.uk/bjrhs/2016/02/09/body-image-and-notions-of-nationalism-and-modernity/>
- Zahorodniy, A. (2020). *Design and protection of banknotes of Ukraine*. National Bank of Ukraine (in Ukrainian)



# The Beauty, the Beast and the Red Hare. The 'Chain Scheme' in Chinese Literature and Cinematography. Part 1

---

**Elina A. Sarakaeva**

Hainan Professional College of Economics and Business. Haikou, China.

Email: 2689655292[at]qq.com

Received: 15 August 2022 | Revised: 15 October 2022 | Accepted: 5 November 2022

## Abstract

---

The Chinese historical chronicle “The Annals of the Three kingdoms” relates the last years of Han dynasty before the country fell into chaos. According to the Chronicle, a frontier general Dong Zhuo marched with his troops to the capital and took control over the boy emperor. He wanted to get rid of his rival general Ding Yuan, so he bribed his officers with gifts and promises. A young junior officer Lü Bu killed general Ding and presented his head to Dong Zhuo. The daring and unscrupulous officer enjoyed the favours of the usurper, he became his adopted son and was placed at the head of cavalry. To his misfortune, Dong Zhuo’s uncontrolled temper threatened the very life of his closest henchmen. Besides, Lü Bu’s regiments didn’t enjoy benefits they expected and that annoyed the soldiers and their new commander. Finally, Lü Bu started a secret affair with a court lady and was afraid to be exposed. So, when minister Wang Yun asked him to kill the tyrant, Lü Bu agreed. Following Wang Yun’s plan, he killed Dong Zhuo with his own hands. This story was masterfully re-worked in Luo Guangzhong’s great epic “The Three Kingdoms”. The writer dramatized the plot and turned the nameless court lady into a renowned beauty Diao Chan who plays the key role in the conspiracy. According to the novel, Diao Chan seduced Lü Bu and later married Dong Zhuo to set the tyrant and his powerful bodyguard against each other. This scheme was called “The Chain Scheme”, for the idea was to break the chain between the male characters with the help of female charms. The Chain Scheme is the most stylistically strong and textually rich episode; in the course of Chinese history it served as a plot to masterful works of fiction and in 20th–21st centuries got numerous TV adaptations. In the present paper I analyse artistic devices and narrative tropes in literature versions of Chain Scheme plot, paying attention to the visual images of the characters, especially their bodily representations as well as the psychological interpretations of their actions. In the Part II of the work I hope to do the same for the screen versions of the Chain Scheme story.

## Keywords

---

China; “Three Kingdoms”; “The Chain Scheme”; Literary and Cinematographic Image; Lü Bu; Diao Chan; Dong Zhuo; Wang Yun; Yuan Drama; Tang Poetry; Chinese Historical Chronicles; Body; Bodily Visualization



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



# Кондотьер, Красавица и Красный Заяц. «План цепи» в китайской литературе и кинематографе. Часть 1

**Саракаева Элина Алиевна**

Хайнаньский институт экономики и бизнеса. Хайкоу, Китай. Email: 2689655292[at]qq.com

Рукопись получена: 15 августа 2022 | Пересмотрена: 15 октября 2022 | Принята: 5 ноября 2022

## Аннотация

В китайской исторической хронике «Анналы Троецарствия» рассказывается о последних годах правления династии Хань перед тем, как страна погрузилась в хаос. Согласно хронике, пограничный генерал Дун Чжо пришел со своими войсками в столицу и захватил мальчика-императора в свои руки. Желая избавиться от соперника, генерала Дин Юаня, он подкупил его офицеров подарками и посулами. Молодой офицер Люй Бу убил генерала Дина и преподнес его голову Дун Чжо. Дерзкий и беспринципный офицер попал в милость у узурпатора, он стал его приемным сыном и был поставлен во главе кавалерии. На его несчастье, бурный темперамент правителя Дун Чжо угрожал жизни его ближайших приспешников. Кроме того, армия, которую возглавил Люй Бу, так и не получила ожидаемых выгод, что раздражало солдат и их нового командира. Наконец, Люй Бу завел тайную интрижку с одной из придворных дам и боялся разоблачения. Поэтому, когда министр Ван Юнь предложил ему убить тирана, Люй Бу согласился. Следуя плану Ван Юня, он собственными руками убил Дун Чжо. Эта история была мастерски переработана в великой эпопее Ло Гуаньчжуна «Троецарствие». Писатель драматизировал сюжет и превратил безымянную придворную даму в известную красавицу Дяо Чань, которая играет ключевую роль в заговоре. Согласно роману, Дяо Чань соблазнила Люй Бу, а затем вышла замуж за Дун Чжо, чтобы натравить друг на друга тирана и его могучего телохранителя. Эта схема получила название «План цепи», поскольку идея заключалась в том, чтобы разорвать цепь между мужскими персонажами с помощью женских чар. «План цепи» – самый стилистически сильный и текстуально насыщенный эпизод, в ходе китайской истории он послужил сюжетом для ряда интересных художественных произведений, а в XX–XXI веках получил многочисленные телевизионные адаптации. В настоящей работе я анализирую художественные приемы и повествовательные тропы в литературных версиях фабулы, уделяя внимание визуальным образам персонажей, особенно их телесным репрезентациям, а также психологическим интерпретациям их действий. Во второй части работы я надеюсь сделать то же самое для экранизаций сюжета «План цепи».

## Ключевые слова

Китай; «Троецарствие»; «План цепи»; литературный и кинематографический образ; Люй Бу; Дяо Чань; Дун Чжо; Ван Юнь; юаньская драма; танская поэзия; китайские исторические хроники; тело; телесная визуализация



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



## **Introduction. The Chain Scheme in Chinese history, literature and cinema**

---

Dating back to the third century AD, the Chinese historical chronicle “The Annals of the Three kingdoms” (三国志) relates the last years of Han dynasty (around 180-225 AD) before the country was divided into three rivaling kingdoms and fell into the chaos of warlordism. The usurper Dong Zhuo (董卓), a frontier general who marched into the capital with his army and forcefully established himself as Chancellor, wanted to get rid of his rival Ding Yuan, also a frontier general, and tried to bribe Ding’s officers with gifts and promises. They lent a favouring ear, but no one dared to take direct actions against their senior commander. No one, except a young junior officer Lü Bu (吕布), who killed Ding with his own hands and presented his head to Dong Zhuo.

From that moment on the daring and unscrupulous Lü Bu rose to power and enjoyed favours of the usurper. He was placed at the head of cavalry and was entrusted with the task of bodyguarding Dong Zhuo. He was able, strong and fearless and his position seemed invulnerable. Until it wasn’t, for Dong Zhuo’s uncontrolled temper sometimes threatened the very life of his closest henchmen. Besides, according to a modern Chinese historian, the army which Lü Bu was heading, didn’t enjoy benefits they expected to get and that hurt their feelings and annoyed their new commander<sup>1</sup>. Finally, the chronicle tells, Lü Bu started a secret affair with one of the court ladies and was afraid that the envious Dong Zhuo (who apparently considered the emperor’s harem to be his own private hunting ground) would find out and destroy him. So, when one of the imperial ministers, Wang Yun (王允), who was long plotting to overthrow the usurper, approached Lü Bu and asked him save the country by killing the tyrant, Lü Bu agreed. He took an active part in the conspiracy and following Wang Yun’s scheme killed Dong Zhuo with his own hands.

This story was masterfully re-worked in the great novel by Luo Guangzhong (罗贯中) “The Romance of Three Kingdoms” (三国演义). The writer made the story even more dramatic and turned the nameless court lady with whom Lü Bu had an affair into a renowned beauty Diao Chan (貂蝉), who in the novel plays the key role in the conspiracy. According to the new version of the story, Diao Chan was an adopted daughter of the minister Wang Yun and willingly participated in the scheme to overthrow the tyrant. She seduced Lü Bu and later married Dong Zhuo to set the tyrant and his powerful henchman against each other. This scheme got the name “The Chain Scheme”, for the idea was to break the chain between the male characters with the help of female charms.

The Chain Scheme is the most stylistically strong and textually rich episode of Luo Guangzhong’s novel and as such it got numerous TV adaptations, with Lü Bu, Diao Chan, Dong Zhuo and Wang Yun being central or peripheral characters.

---

1 This author, one of the best modern Chinese historians of the Three Kingdoms period, writes under the pseudonym The Governor of the South Gates (南门太守), his real name remains a mystery.



In the present paper I analyse artistic devices and narrative tropes that can be found in numerous cinema and TV adaptations of “Three Kingdoms”, trace the changes that the Chain Scheme episode has undergone in the course of history and especially in modern TV-dramas and make some conclusions as to the clash of traditional and new value systems of the modern Chinese people.

## Lü Bu the historical person



**Pic. 1. A modern Chinese illustration to the Three Kingdoms corpus. Lü Bu. On this picture we can see traditional elements of Lü Bu’s iconography: his Painted Piercing-Sky Halberd, his golden belt with a lion face, his headgear with pheasant feathers. The picture serves as a theme for an Oppo cellphone.**

The emergence of figures like Lü Bu and Dong Zhuo – the fighting mercenaries and *condottiers* – on political scene of later Han period is very well explained by the renowned sinologist and translator Rafe de Crespigny. This is how he sets



the background of the narration: “The Chinese armies in the north and west had become steadily more alienated from the central government. The constant warfare, raiding and internal disturbance had driven much of the civilian population away to the south, so that the soldiers – many of whom long in service – were left largely self-sufficient in a world of their own. As officials, eunuchs and imperial relatives by marriage competed for power, they paid small attention to the concerns of the frontier, while the troops who were stationed there gave loyalty rather to their comrades and their commanders than to an irrelevant imperial government” (De Crespigny, 2020, p. Xxiii).

There’s no lack of historical data about the main characters of the discussed story (the minister Wang Yun, the usurper Dong Zhuo and the belligerent adventurer Lü Bu). The acclaimed official history of the Later Han and Three Kingdoms period, “The Annals of the Three Kingdoms” written in the years 280-290 AD by Chen Shou, was compiled quite close to the described times. Unlike many traditional chronicles, “The Annals of the Three Kingdoms” provides alternative versions of events and a wealth of detail and opinion. Endorsed by imperial authority, the transmission of the text is quite reliable, and the quantity of material concerning the chief personages allows to speak about their life events with a more or less certainty (De Crespigny, 2010, p.1). Chen Shou devotes separate chapters to Dong Zhuo, whom he describes as a bloodthirsty tyrant, Wang Yun, an intrigant and a dexterous courtier, and Lü Bu, whom he characterizes as “*frivolous, deceitful, volatile, with only profit in mind*” (Chen, 1999, p.401). Yet Chen Shou admires Lü Bu’s warring skills and “*courage of a roaring lion*”, and mentions some of the good things he had done, like showing mercy to the family of his enemy. There’s no such character as Diao Chan in the chronicle, nothing more than a nameless court lady, whose affair with Lü Bu was one of the reasons of the usurper’s downfall.

Around the year 429 Pei Songzhi (裴松之) attached his own commentaries to Chen Shou’s “Annals” containing parallel accounts, some of them compiled by direct contemporaries. In this work, known as “The Commentary to Three Kingdoms” (三国志注) the author treats Lü Bu’s character with more aversion, darkening the image and emphasizing his disloyalty and insidiousness. In the years 432-435 AD Fan Ye (范晔) wrote “The Book of the Later Han” (“后汉书”), a very influential work for the historical evaluation of Three Kingdom personages (Fan, 2018). Fan Ye stresses negative features in the image of Lü Bu, makes him more crude, mean and unpleasant. His chronicle played a decisive role in shaping the image of Lu Bu in the eyes of historians and literati: the portrayal of Lü Bu in later history books was basically modeled on the “The Book of Later Han”. Thus, a historical compendium by the outstanding Chinese historian of the 10<sup>th</sup> century Sima Guang (司马光) “The Comprehensive Mirror for the Aid in Government” follows Fan Ye in the treatment of Lü Bu.

To illustrate the nature of the changes, one can look, for instance, at the way the characters’ words and relations are rendered. Whereas relations between Lü Bu



and his new master Dong Zhuo are described by the earliest source as “*Dong Zhuo promised to treat Lü Bu as kindly as a father treats his son*” (Chen, 1999 p. 412), the later chronicles state that Dong Zhuo actually adopted Lü Bu, thus making the rebellious warrior even meaner, his treason and murder of Dong Zhuo – a horrible act of patricide. Later in the works of fiction his first patron, Ding Yuan, whom Lü Bu killed at the incitement of the usurper, would also be turned into his adoptive father, making the double murder even more horrendous as double patricide (while in all probability, none of the assassinated warlords actually adopted Lü Bu). The reason for this murder which is described vaguely in the historical chronicles (“*Dong Zhuo bribed Lü Bu to kill Ding Yuan*” or even “*Dong Zhuo persuaded Lü Bu to kill Ding Yuan*”) will be added or rather simply invented in later historical essays and works of fiction, varying from “*I killed my lord Ding Yuan because he constantly humiliated me*” (Zhong, 1989 p. 387) as in anonymous “*Pinghua on Three Kingdoms*” to “*Lü Bu killed his father bribed by a gift of a horse*” (Luo, 2020, p. 115).

We can see that before poets, playwrights and novelists started to use Lü Bu's eventful life story in their works of fiction, his image had been consistently dramatized in historical chronicles. Departing from the original image of an ordinary frontier adventurer, unencumbered by conscience and morality, who sold his sword to the first bidder, the historians painted him with blacker and blacker brushstrokes as a villain, a traitor, and a patricide, and contrasted him with positive characters. This is logical – Chinese historical chronicles were never written simply to record events: the reader always had to learn a moral lesson from the story, so that it would help them find their bearings in real life.

### **Lü Bu the fictional character**

---

In the course of thousands years-long Chinese history the image of Lü Bu was presented in different ways by historians and literati, with most of the scholar-officials using his image as a negative example for future generations. This is also the case in poetry and popular literature, but the difference is that the authors of various genres alter or create the details of his biography according to their personal needs or the demands of the times (Tang, 2018). On the level of historical biography, the image of Lü Bu is relatively fixed, while his image in poetry, opera, and prosaic novels varies.

For a few centuries Lü Bu's story didn't attract much attention of the men of letters. He was remembered though as a master archer and a “flying general” (“flying” in a sense of “a remarkable horseman able to cover great distances in a short time”). As a Chinese scholar Tang Lianping puts it, “Because of the difference in social style between the Tang and Song dynasties, the image of Lü Bu received very different evaluations in Chinese poetry” (Tang, 2018, p. 12).



**Pic. 2. Cosplay: an image of Lü Bu in a traditional attire.  
Origin: the courtesy of the author's student**

During the Tang dynasty (618–907 AD), the time of unprecedented flowering of Chinese culture, there was a social demand for free self-expression, when personal talent and the overall informality of the individual were valued above all. In those times the memories of a general from the distant past took the form of praise of his military achievement rather than condemnation of his moral flaws. The poet Zhang Huaiguan (张怀瓘) compares in his ode a brush of a calligrapher with Lü Bu riding a horse:

*“The spontaneity of the calligrapher is impressive. He has not yet refined his art, but is so spontaneous, like the flying general Lü Bu, light on his way to the top”<sup>1</sup> (Zhang, 1986, p. 236).*

The poet Li He (李贺) devotes a few poems to Lü Bu, the most complimentary of which being “The Horse”:

---

1 All verses and prosaic extracts are cited in my own translation. E.S.



赤兔无人用， The horse Red Hare would let no rider on his back  
当须吕布骑。 Until it's saddled by Lü Bu.  
吾闻果下马， I heard that once he stepped down from the horseback,  
羈策任蛮儿。 He would defeat any barbarian (Li, 1977, p. 102).

Another of Li He's poems called "The Song about general Lü" is written as a praise to his friend, a military commander who happened to have the same surname as Lü Bu. The poet compares his friend with Lü Bu riding his famous horse Red Hare (Li, 1977, p. 107).

Wang Qi (王起) devotes a poem to the episode in the life of Lü Bu when he shot an arrow at an unbelievably far distance and hit a peculiar target – he sent his arrow through a tiny hole in the hilt of his halberd. Lü Bu did this in order to help his ally who was challenged to war by an outnumbering enemy. As an arbiter between the two warring parties, Lü Bu offered this sort of martial competition instead of a real battle, and his success meant that both parties should call a truce. This historical fact was one of Lü Bu's most famous achievements, admired by contemporaries and descendants. Wang Qi thus summarizes this feat:

矫矫吕公， How amazing is Lord Lü,  
凛千载之英风。 Such a hero is born once in a thousand years!  
立辕门而耀武， He stood at the gates showing his martial skills,  
百夫之特； Such as he is one in a hundred men.  
射戟枝而骋技， He shot at the halberd and galloped his horse,  
一矢称雄。 He was called a real hero.  
所以解纷为智， This is why it is wise to resolve disputes in a peaceful way,  
和难成功 To succeed in reconciling difficulties (Dong, 1983, p. 6492).

During the Song dynasty (960-1279 AD), the period of the formation of Neo-Confucianism with its stern rigorism and emphasis on moral imperatives, poetry and prose were universally critical of Lü Bu, emphasizing his treachery, infidelity and lust for profit. One of the greatest Chinese poets of all times, the famous Su Dongpo (Su Shi 苏轼) mentions Lü Bu in at least five of his poems. In beautiful lines, eloquent in their simplicity, Su Dongpo compares his own predicaments – falling in the hands of his political opponents – with that of Lü Bu, captured and executed by his opponent Cao Cao:

而今太守老且寒， And now I am old and cold  
侠气不洗儒生酸。 And my chivalry spirit does not wash the sourness of Confucianism  
犹胜白门穷吕布， Yet I will do better than the poor Lü Bu at the White Gates  
欲将鞍马事曹瞞 Who was prepared to serve Cao Cao with his saddle and horse (Su, 1982, p. 843).



The poet refers to his own story – he opposed Minister Wang Anshi's land reforms and was exiled to a distant province. But unlike Lü Bu, who was captured alive by his enemy Cao Cao and begged for mercy in his despair, the poet would not compromise and wouldn't serve his enemy. The pitying contempt the poet expresses for the hero is contrasted by his own dignified moral position. The poet also mentions Lü Bu as a talented but disloyal villain who betrayed his master in the poems “Dong Zhuo” and “A Letter to the Emperor about Xūzhou city”. Another Song Dynasty poet, Qin Guan (秦观), joins in this negative characteristics of Lü Bu: “(Lü) Bu was not loyal to Ding and Dong, but he was willing to be loyal to Cao Cao?!” (Dong, 1983, p. 484). The poet depicts Lü Bu as a ruthless and unrighteous villain, unable to be loyal to Ding Yuan and Dong Zhuo, so his intention to serve under Cao Cao is but a guile to save his worthless life.

The story of Lü Bu was popularized during the hundred years of Yuan dynasty reign (1271-1368), when the power in the empire fell in the hands of Mongolian invaders. Chinese intellectuals, ousted from power and deprived of the opportunity to hold public office, were completely immersed in the world of literature. But even this world was almost closed to them because of the censorship imposed by the Mongolian occupants, and the only loophole where they could apply their literary talent was in the theatre. The Yuan dynasty was a time of unprecedented flowering of the theatrical arts, for it was during this period that the best minds in China began to compose plays for the theatre. But the art of theatre is all about meeting the expectations of the theatre-going public, and the Yuan period spectators wanted thrilling narrations about brave heroes and charming maidens. Right then Lü Bu's story came handy: when properly exploited, his image contained what the spectators wanted to see – both feats of courage and a love legend. The image of Lü Bu started to be changed and developed accordingly.



**Pic. 3. Lü Bu as depicted in modern art. The picture serves as a theme for an Oppo cellphone.**

The total number of plays in which Lü Bu is the main character is eight, second only to the most popular Three Kingdoms characters Zhang Fei and Guan Yü. Those plays are:

- 1) “Three heroes fight against Lü Bu at Hujiuguan” (虎牢关三战吕布) by the playwright Zheng Guangzu (郑光祖) and seven more plays by anonymous authors:
- 2) “Jin Yuntang secretly sets the Chain Scheme” (锦云堂暗定连环计),
- 3) “Three heroes fight against Lü Bu” (张翼德单战吕布),
- 4) “Three heroes leave Xiaopi” (张翼德三出小沛),
- 5) “Lü Bu, sighing, calls himself a hero” (吕布自叹英雄),
- 6) “Diao Chan meets Lü Bu” (貂蝉见吕布),
- 7) “Flower candle in the bridal bedroom” (花烛洞房)<sup>1</sup> and

<sup>1</sup> Which metaphorically means simply “having sex”



8) “The beauty Diao Chan” (貂蝉女).

It’s noteworthy that meeting the demands of the times, the theatrical image of Lü Bu changed from a crude and ruthless swordsman to a person versed both in literature and art of war. Thus, in the play “Chain Scheme” the minister Wang Yun reflects how difficult it would be to set a trap for Lü Bu: “*The wise and brave Marquis Lü is already too powerful. Lü Bu is also a master of both civil and martial arts, so it is difficult to figure him out*”. In other plays the hero claims that he “*learned literature when he was young and grew up in mastering martial arts*”; “*learned literature and martial arts at an early age*”; “*versed in three strategies of martial arts and six compendiums of classical books*” etc. (Tang, 2018, pp. 28-31).

In all the Yuan dramas Lü Bu is depicted as a romantic lover who harbors deep and genuine feelings for Diao Chan. The latter is more often his wedded wife than merely a love interest. From a fornicator of the chronicles, Lü Bu has progressed to a devoted husband who kills Dong Zhuo for raping his spouse. Diao Chan is shown a loving wife who was separated from her husband by the casualty of civil war. The core of the plot is a young couple in the predicament of their separation being taken advantage of and manipulated by politicians.

The earlier edition of Luo Guangzhong’s famous novel “The Romance of the Three Kingdoms” was written around the beginning of the Ming Dynasty. This edition is called Jijiang version (嘉靖壬午本), because it was first published in Jijiang. The author revives the image of Lü Bu the traitor who killed both of his adopted fathers merely to get a good horse or a beautiful lady. He is brave but stupid, doesn’t trust his faithful advisors and is not trustworthy himself. His shameful death at the hands of Cao Cao is a proper reward for his lifelong infidelity and bad choices. Still the original version has many complimentary lines on Lü Bu’s appearance and martial prowess. Now and again the observers who watch him galloping to battle would think that Lü Bu “looks like a god”:

*“Dong Zhuo saw Lü Bu on horseback, holding the painted Piercing-Sky halberd, galloping to and fro, looking like a god” (Luo, 1980, p. 33);*

*“Cao Cao saw that Lü Bu looked like a god, his horse was like a lion, and the soldiers on his left and right were powerful and strong” (Luo, 1980, p. 115);*

*“He saw Lü Bu riding out of formation, bow and arrows on his body, holding the painted Piercing-Sky halberd, riding the horse Red Hare. One can really say “Among the man who but Lü Bu, among the horses who but Red Hare”! Among the people and horses, these two were really the best at the end of the Han Dynasty” (Luo, 1980, p. 146).*



**Pic. 4. Lü Bu a doll as displayed in Taobao Internet market. Origin: Taobao display**  
<http://games.sina.cn/gz/jx3/2018-02-01/details-ifyremfz3149994.d.html>

All of these “looking like a god” lines were completely wiped out of the new, Qing Dynasty edition by the father and son publishers Mao Lun (毛纶) and Mao Zonggang (毛宗岗), whose edition became a widely accepted canon and is used as almost the only reprinted version up to now. In their campaign to accent the good and point at the evil, the publishers changed and abridged the text, omitted the whole passages or rewrote them to emphasize what they thought proper. Even the face of the hero underwent changes: when Lü Bu makes the first appearance, Jijiang edition says that “his eyes and eyebrows were clear” (“clear” being a synonym in Chinese literature for fair and beautiful) (Luo, 1980, p. 31); the Maos change it to “with an imposing appearance and angry eyes” (Luo, 2020, p. 46).

Otherwise, when Lü Bu is supposed to do or say something noble, the Mao’s revised edition downplays it. Once Lü Bu waged war against another warlord, Liu Bei, who used to show him kindness. When in the course of this war Lü Bu captured his rival’s wife and family members, he didn’t make hostage out of them, nor gave them to their soldiers and officers, as was the custom of the time – he treated them with respect and sent them back to Liu Bei. When his offices



advised him to kill the women, he replied, according to earlier records: “Liu Bei is my sworn brother, how can I bear to harm his family?”. The early edition goes on with: “This was how Lü Bu showed his brotherly feelings” (Luo, 1980, p. 231). In revised edition Lü Bu simply says: “Myself and Liu Bei are old acquaintances”. The phrase about brotherly feelings is turned into its opposite: “This was not because Lü Bu had feelings ... (Luo, 2020, p. 259). The character in Luo Guangzhong’s original version has some redeemable features, he is at least capable of mercy. In Mao’s revised edition he is a cold brute.

Apart from Lü Bu, the images of other figures of the story were more or less fixed throughout centuries: the minister Wang Yuan is loyal to the throne and tirelessly seeks for the way to bring down the usurper, the self-proclaimed Chancellor Dong Zhuo is a gruesome inhuman brute who revels in tortures, lust and even cannibalism. As for the female character, for a long time she remained but a shadow on the background.

### **“The Chain Scheme” plot: development and changes in medieval literary works**

---



**Pic. 5. Lü Bu fights against three warriors. A traditional image engraved on porcelain.  
Origin: shot by the author of the article.**



## The Beauty

The Chinese name of the heroine is beautiful but strange; it consists of two incompatible words: Diao 貂 meaning a sable and Chan 蝉 – a cicada. Chinese parents almost never give their children such names (just putting two names of animals together), especially not in the later Han, when personal names either denoted simply the child's elderly (Brashier, 2014, p. 81) or rotated around the concept "virtue"<sup>1</sup>. Some historians believe that this name was derived from an official rank of a court lady-at-attendance, who were probably wearing sable furs as insignia (Wang, 2005). Thus, a court rank of the heroine transferred in works of fiction into her personal name.

Diao Chan made her first appearance in the novel by an anonymous folk author "Pinghua<sup>2</sup> on Three Kingdoms" (三国志平话). This underrated work of fiction, written during the Yuan dynasty, is believed to be a predecessor and a direct source of Luo Guangzhong's renowned novel "Three Kingdoms". The author of the novel is very much interested in Lü Bu's adventures and tries to fill in gaps in his story. He makes his favourite character not an officer but a house slave to the general Ding Yuan, which explains why Lü Bu killed his master – he was being treated unfairly and constantly humiliated. After killing Ding Yuan, the hero jumps on his master's best horse, the one with red curly hair, and rides away with Ding Yuan's servants at pursuit. On the way they meet Dong Zhuo who watches how valiantly the slave fights against the pursuers. He stops the fight, grants Lü Bu pardon and accepts him as his adopted son. The thankful Lü Bu fights in many battles for his new lord, inflicting panic terror on all his enemies, while the loyal minister Wang Yun wracks his brains how to oppose Dong Zhuo's growing power.

One day he spots his maid servant burning incense and praying in the garden. He asks the girl what is the reason of this and she relates how looking down from the window she saw her long-lost husband riding a horse along the street, so now she prays for the family reunion:

*"She hastily kneeled down and said: "My surname is Ren, my name is Diao Chan, my husband's name is Lü Bu. I haven't seen him since we lost each other in Lintao, that's why I have been burning this incense and praying for reunion" (Zhong, 1989, p. 391).*

At this very moment a new plan occurred to Wang Yun: he decided to break the father-son relations between the usurper and his bodyguard with the help of a "Chain Scheme". In this version the core of the plan was not the remarkable beauty of Diao Chan – her appearance was essentially not important – but the fact that he accidentally got hold of Lü Bu's wife. Diao Chan didn't have to seduce anyone; it was enough just to invite Lü Bu to the house and watch the couple meet each other:

*"Wang Yuan thought: "Heaven helps the Han dynasty" The minister said again: "I didn't know she was the wife of Marquis Wen, such a happy coincidence, what is better than*

1 Thus, Lü Bu was our hero's official name, while his personal name was Fengxian 奉先, which means "ancestor worship".

2 Pinghua or Plain Talk (平话) is a genre of Chinese literature, a folk novel written in a simple, available to the public language.



*the reunion of husband and wife!” He also said: “I regard her my own daughter. I will choose an auspicious day, a good time, and send Diao Chan to the Chancellor’s house to finish the reunion with Marquis Wen.” Lü Bu was very happy and bid farewell” (Zhong, 1989, p. 391).*

Here two things are important. Wang Yun purposefully doesn’t give the wife to her husband immediately. He stresses that Diao Chan is like a daughter to him, and as such she is entitled to some formal ceremony – a fortunate day, a red palanquin etc. Lü Bu lives together with his adopted father, so the adaptation in the folk novel is not a formality, but a real family arrangement. Wang Yun sends the girl not to Lü Bu’s house (he doesn’t seem to have one) but to Dong Zhuo’s place. Yet the cunning minister doesn’t inform the Chancellor that the girl is going to be his daughter-in-law, so the lustful tyrant immediately drags her to his bed. What happens later is predictable and doesn’t necessitate Wang Yun’s further activities:

*“Lü Bu heard loud and clear music in the house, so he asked around what was going on. Everyone said, ‘The Chancellor is with a woman named Diao Chan. Lu Bu was shocked and walked to the end of the corridor. Suddenly he saw Diao Chan going out undressed. Lü Bu was furious: ‘Where is the villain? Diao Chan said, ‘Drunk’ Lü Bu brought his sword into the hall. Seeing Dong Zhuo’s nosing like thunder, lying like a meat mountain, he scolded: ‘The old thief has gone too far!’ A sword broke his neck, and blood flowed. Dong Zhuo was stabbed to death” (Zhong, 1989, p. 392).*

### **The plot thickens**

The Yuan dynasty dramas follow the same plot, underlying this or that aspect of the story: Wang Yun’s plan becomes more detailed, the couple’s marital life after the death of Dong Zhuo is elaborated upon. The deep love between the young people is described in more colours. This is how in the play “Chain Scheme” Diao Chan expresses her longing for Lü Bu and her worry that she is no match for him in his new exalted position:

*“My life is thin; my tears are dark. My lonely path without him is a mistake. I am ashamed of my poor clothes and my plain face, and though I long to see Marquis of Wen, how do I dare meet him now?” (Zhong, 1989, p. 408).*

Yet in Yuan dramas the Chain Scheme remains one man’s making with Lü Bu and Diao Chan both being the cunning minister’s puppets, and the assassination of Dong Zhuo a spontaneous act of rage. From the narrative perspective, the plot was good and solid, but it was not yet good enough. Nevertheless, it became popular and beloved; being the only love story in Three Kingdoms cycle, it added a romantic relief to a bloody war drama.



**Pic. 6. Cosplay: an image of Lü Bu in a traditional attire.  
Origin: courtesy of the author's student**

The Chain Scheme was finally crystallized under the brush of the great Chinese historian-novelist Luo Guangzhong in his novel “The Romance of Three Kingdoms”. The author masterfully uses elements and components from various sources, combining them into a coherent and compelling narration with a strong plot.

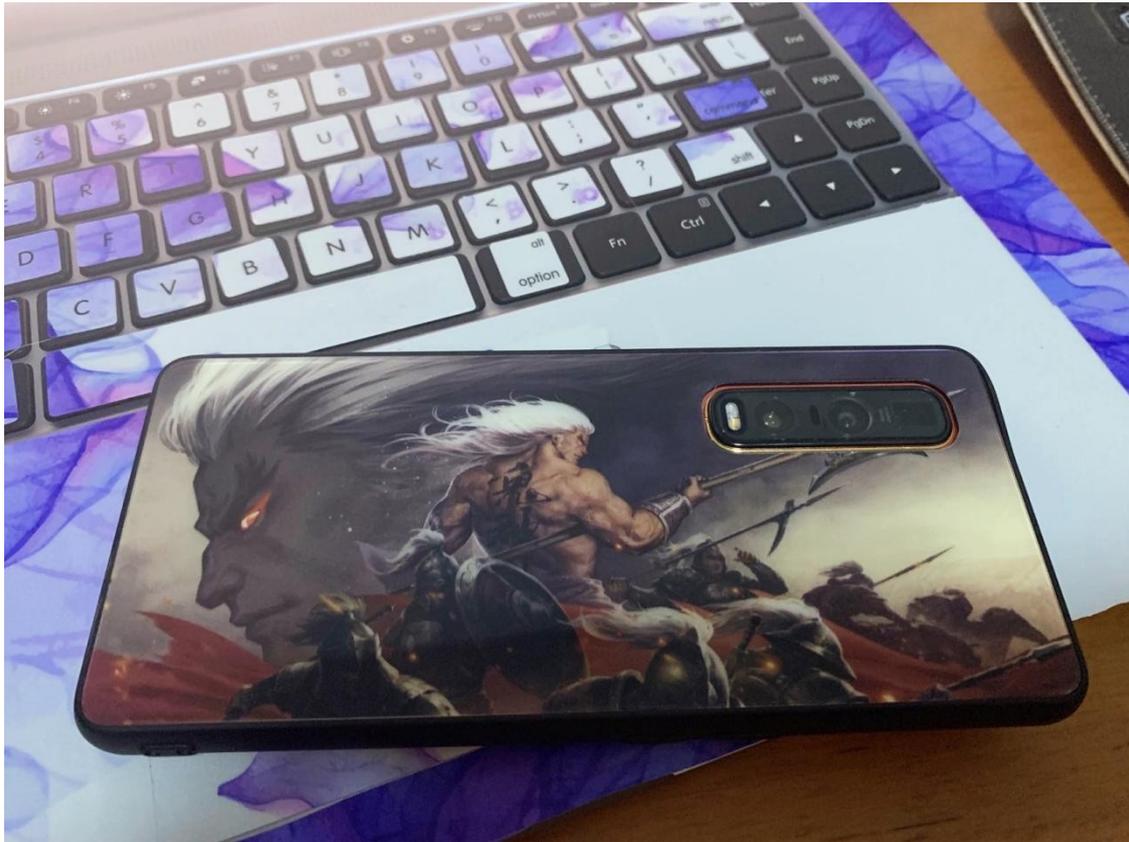
In the novel, the Chain Scheme takes its classic form, known since childhood to every Chinese: Minister Wang Yun tries different ways to put an end to the usurper, but they all end in failure. Pondering the sad fate of his homeland, he stays up at night and hears the sound of music from the garden. In the garden he sees his adopted daughter, Diao Chan, playing the zither and sighing bitterly. The minister is angry, thinking that the girl is engaged in some love affair, but her answer stuns him: it turns out that the daughter is also concerned about the fate of her homeland, and even more concerned about the sadness of her foster father. The minister takes his daughter to the inner rooms and suddenly falls on his knees before her: “You alone can save the Han dynasty!”



Then he tells her that no assassin can get near the tyrant because he is guarded by the mighty Lü Bu. But were they able to turn the very Lü Bu against the tyrant, the fatherland would be saved from unbearable oppression. In order to do that, he brings forward the Chain Scheme: to split the chain between two men by making them both lust after the same woman. She readily agrees to act as a seductress and pit the villains against each other. To do this, with Diao Chan's knowledge and consent, Wang Yun sends expensive gifts to Lü Bu. When he arrives at the minister's manor to thank him for the gifts in accordance with etiquette, Wang Yun invites him to dinner and orders Diao Chang to come and pour the wine. Lü Bu is struck by the beauty of the girl, and throughout the meal he can think and talk only about her. Wang Yun pretends to be tipsy and disregards the coquetry and liberties of the young people – so he lures Lü Bu deeper into his trap. Finally, seeing that the victim is deeply hooked, he suddenly offers to marry his daughter to Lü Bu.

Lü Bu is both delighted and surprised by the offer: despite his special position under the usurper, he is still a low-born field commander, whereas Wang Yun is one of the highest state officials. But Wang Yun convinces the warrior that he himself is childless, Diao Chang, though an adopted daughter, is the only family member, and he wants to marry her off to a man whom he can later fully entrust the welfare of the family. Lü Bu bows to the ground before him and swears fidelity, the engagement is concluded and the minister promises to send his daughter to Lü Bu's house on a favourable day according to astrological predictions (Here we should keep in mind that Lü Bu is already married, he takes Diao Chan as his second wife, and in this sort of marriage no wedding rites are carried out, the bride is simply sent in a palanquin to the groom's house).

While Lü Bu waits for an auspicious day, the minister invites the usurper to his manor for dinner. He agrees to come and is also shown Diao Chan. The beauty dances in front of the guest and pours him wine. Just like Lü Bu, Dong Zhuo is struck by her beauty and art, and Wang Yun presents him with the girl as a gift without further delay. Delighted, the usurper takes her back to his place and indulges with her in the pleasures of the matrimonial bedroom. The beautiful girl is flirtatious and charming, and very quickly she becomes Dong Zhuo's favourite and he is ready to fulfil her every wish.



**Pic. 7. Lü Bu as envisaged in a computer game. The picture on an Oppo cellphone case. Here the nakedness of the hero renders his superhuman strength, his dangerous temperament and marvelous martial skills. Origin: shot by the author of the article.**

After learning that his fiancée is in the hands of Dong Zhuo, the enraged Lü Bu bursts into the minister's house ready to cause a scandal. But the minister calms him down by saying that the Chancellor took the girl from his house not for himself but for him, Lü Bu, to arrange a grand wedding for his adopted son. Lü Bu waits a little longer and, tired of waiting, arrives at the usurper's house. There he is introduced to Diao Chan as his adoptive father's new wife. Diao Chan manages to play on two fronts: with the usurper she flirts and pretends to be loving and happy, while with Liu Bu she weeps and plays the victim of violence.

The saddened Lü Bu seeks a meeting with his beloved and he manages to arrange a secret rendezvous in the usurper's garden while Dong Zhuo is elsewhere. Diao Chan rebukes him with bitter words: Lü Bu, a glorified hero, can't protect his woman from the shame and violence! Then she even attempts to kill himself. Lü Bu persuades her to be patient a little longer and promises that he will find a way to save her - though he doesn't know how, for at the time he is not yet ready to betray his father. Dong Zhuo himself gives him an impetus though - he returns home early to find his beloved in his son's arms, and in a fury, he attacks Lü Bu, throwing at him Lü Bu's own halberd. The warrior manages to dodge and flee, but he is enraged and shaken.



Minister Wang Yun meets with him and adds fuel to his anger. He talks about how cruel and ungrateful Duong Zhuo is for having molested his own son's bride and having attempted to kill him, what a shame the great hero has suffered, and so on. With such words he baits Lü Bu to the point where the latter vows to kill the tyrant. Seeing that the fruit is ripe, the minister brings up a decent basis for the assassination: if Lü Bu is ready to kill the tyrant, it must be done not for the sake of a girl, but to serve the emperor and the people. As for the father-son relationship, Lü Bu and Dong Zhuo have different surnames, which means that their relationship should not be considered a real kinship. Lü Bu discards any doubts and actively joins the conspiracy. Following Wang Yun's instructions, he lures Dong Zhuo into a trap and kills him with his own hands. This is the final, most elaborate literary variant of the Chain Scheme, the one that enjoyed tremendous popularity and served a plot for many regional Chinese operas and dramas throughout Ming and Qing dynasties up to modern times.

It is interesting how masterfully Luo Guanghong weaves elements from different sources into the fabric of his narrative, sometimes giving them new interpretations. For example, while in a Yuan drama Lü Bu bows low to the minister Wang to thank him for saving his wife, in the novel it turns into an overly hasty bow by the son-in-law to his father-in-law, securing the engagement. Lü Bu's promise to serve the minister “*as faithfully as a dog or a horse*” is transformed from a formula for sincere gratitude into an expression of impatient desire for the sex with a beautiful female. What was tragic becomes ridiculous.

## **The Red Hare**

---

In modern iconography, Lü Bu is always portrayed riding a beautiful red stallion named Red Hare. According to the novel “The Three Kingdoms”, the usurper Dong Zhuo used this horse to bring Lü Bu to his side. He gave the opportunistic officer a horse as a present – not just any horse, but the best in the world, a thousand-miles-horse – and it was enough to make Lü Bu, a lover of women and horses, not only defect to Dong Zhuo, but kill his foster father with his own hands. The shame of this act followed Lü Bu throughout his life, and he forever had the reputation of having traded his father for a horse.

The admiration of this mighty animal is expressed in the saying “Lü Bu is the first among (warrior) men, Red Hare is the first among horses”<sup>1</sup>. This saying one finds even in the Mao edition of “Three Kingdoms”, where most of the favorable to Lü Bu passages and verses are dropped out. The horse was believed to not only be the fastest and strongest among battle stallions – he was devoted to his master, but the master he chose to serve was to be a hero. So the horse, according to the legend, agreed to carry only Lü Bu, and after his death he switched his loyalty to one more brave warrior, Guan Yü, a man who is up to now considered an epitome of faithfulness and rightfulness. A true heroic horse for a true hero, this Red Hare

---

1 人中吕布，马中赤兔



became an inseparable part of Lü Bu's visualization. But where does the horse come from? How does it become the hero's best companion, a continuation of his body – to the extent that in order to kill Lü Bu the enemies had first to separate him from his horse?



**Pic. 8-9. A Japanese version of Lü Bu on a Japan-produced notebook imported to China. Traditional representation enforced by the tragic facial expression and the wounds on the failed hero's face. Origin: shot by the author of the article.**

The original historical records and the works of the later historians know nothing about Lü Bu's horse. The sources do not specify with what gifts and promises Dong Zhuo bribed him to kill his former commander and join forces. The first mention of the horse is found in Yuan period dramas. In Zheng Guangzu's play "Three heroes fight against Lü Bu at Hujuguan" Lü Bu says: "I had a gold pot in my hand, and I killed Ding Jianyang with this pot, then I mounted a curly-haired horse named Red Hare and rode away". Here the protagonist explains why and how he killed his lord and how he managed to escape thereafter: he didn't plan the murder, but angered by his lord, he struck him with a home utensil he had had in his hand, then ran out and mounted a good horse that allowed him to escape. But here we have the colour of the horses' hair: it is red and curly, and the name: Red Hare.

Later, in prosaic renderings of the plot, the story will take the following form:

*"Dong Zhuo saw a man riding a horse, who was like a fierce tiger; the man scattered his soldiers killing as many as he could" (Tang, 2018, p. 24);*



*“They saw a man riding a horse, who was like a tiger. Dong Zhuo shouted and asked who was there. The man did not say anything. The people all shouted: ‘This man is Ding Jianyang’s family slave, who killed general Ding, and rode general Ding’s horse to escape’ (Zhong,1989, p. 67).*

So, the horse has gradually come to stay: now it is not only an instrument of the hero’s safe flight from danger, it already starts to be perceived as a part of him being *“like a fierce tiger”*: an invincible tiger-like warrior riding a mighty horse. Finally, under the magic brush of Luo Guangzhong – who was awesomely good at borrowing seemingly unconnected elements from different sources and weaving them into his own narration, so that they all become meaningful – the horse turns into an agent of its own. It is precisely to get this horse that Lü Bu betrays his former commander, riding this horse duplicates his strength, the loss of this horse precedes his death.



**Pic. 10. Red Hare and his rider. The picture serves as a theme for an Oppo cellphone.**

Yet the novel *“Three Kingdoms”* still treats Red Horse as a mere animal. Other people can steal it and lead it away, it can change riders, it doesn’t communicate with human characters. The modern interpretation, partly inspired, as I believe, by a formulaic image of a hero’s heroic horse from European and Chinese sources,



makes them an inseparable duo: the horse and his rider seem to be animated by each other, in love with each other, so that the killing of a foster father to acquire a horse seems though not pardonable, but at least understandable. The modern narrations have stitched Red Hare to Lü Bu so tightly, that one becomes an integral element of another. The horse is born so that the hero can ride him, he allows no one else to mount his back, the loss of the horse leads to the hero's perish and the loyal horse kills himself after the master's death.

In the second part of my work, I will show how this connection is shown and interpreted in numerous TV-adaptations of the Chain Scheme plot. And the following modern folklore story proves that the Chain Scheme with its characters is still a living flourishing topic of the modern Chinese culture:

*"When the youngster Lü Bu left his parents' grave, he was unsure of what to do, so he came all the way to Huo village. The villagers were having a "sheep-scratching" competition, Lü Bu won the first prize and was taken in by the old man who was the head of Huo Village. The old man learned of the tragic death of Lü Bu's parents and persuaded him to stay in the village to teach the villagers some defensive skills. Later on, Lü Bu was inadvertently spotted by Ding Yuan, the governor of Bingzhou, who ordered him to join elite cavalry.*

*One night, Lü Bu saw in a dream an old immortal, who smilingly said, "Would you like to get a good horse?" The young man then asked, "Where do you come from, holy father?" The old man smiled and said, "I am the god of the Seven Rock Mountains. I have seen you come here day after day to attend after the horses and your love for them has touched the gods. Although you are an excellent warrior, you have your Painted Piercing-Sky Halberd and a bow, but you need a dragon horse to ride."*

*Hearing this, Lü Bu smiled and asked, "Immortal, where can I find this precious horse?"*

*The old man laughed and said, "Come here tomorrow at noon to see it."*

*After that he suddenly disappeared and Lü Bu woke up and opened his eyes, only to realize that it was a dream.*

*The next day, Lü Bu mounted his white mare and rode alone to the edge of the pond, letting go of the reins and allowing the horse to stride leisurely. It was close to noon when a sudden gust of wind hit him and the white horse whinnied. A wonderful stallion with a body like fire with a tail sweeping the clouds was following them. Lü Bu had loved horses since he was a boy, so could he not know that this horse was the best in the world?" (You, 2014, pp. 30-31)*

The story goes on with Lü Bu hiding among the rocks and letting his mare attract the wild stallion. After a few days he managed to capture the red horse and started an arduous fight to tame him. Finally, the animal gave up and allowed the young man to take care of itself. Lü Bu gave him water out of his own hands and washed him, with the white mare following at his heels. From now on the hero rode his Red Hare stallion, and when he met Diao Chan, the love of his life, he gave her the white mare. Since then, they were inseparable: two loving humans and two loving horses, four beautiful creatures. Together they lived and together they died.



The story finishes by contesting the assumption that after the hero's death Red Hare was given to Guan Yü: "How could it be possible that such a horse would serve two masters?!" (You, 2014, p. 32).

### **"The Chain Scheme" in the modern Chinese literature**

After the publication of the hugely popular novel "The Three Kingdoms", the content of the plays about the hero Lü Bu and the beauty Diao Chan changed. The new, Ming and Qing period dramas narrated no longer about the martial exploits of Lü Bu or his relations with other warlords: Wang Yun's plan, i.e., the Chain Scheme proper became the core of the plot. Such dramas most often had the same title: "Lü Bu flirts with Diao Chan"<sup>1</sup>, but differed in theatrical style, music, costumes and regional dialects. The title points at the culmination of the new dramas, the scene where Lü Bu first meets the girl, gets smitten with her beauty and starts flirting with her while her foster father pretends to look elsewhere. The scene is always a comic one, with the protagonist playing a love fool and the girl luring him in her trap with skillful coquetry.

After the troublesome times of XIX- XX century that brought to China colonial wars, civil wars, wars for independence and revolutions, the beginning of the new millennium with its prosperity and relative peace witnessed a renewed interest to the Chain Scheme story. As a result, a vast flow of low-quality novels appeared in the last decade to entertain the public. Among most recent works of fiction that tell the Chain Scheme story from the male perspective are:

- 1) "The Three Kingdoms of Lü Bu" by an author nicknamed Bewitching the World (2016);
- 2) My Father-in-Law is Lü Bu" by an author nicknamed Big Brother Has a Gun (2016);
- 3) "The New Biography of Lü Bu" by an author nicknamed No Tears in the Cold (2016);
- 4) "Possessing Lü Bu" by an author nicknamed A King but not a Hegemon, (2017);<sup>2</sup>
- 5) "Lü Bu, the Three Kingdoms' War God" by an author nicknamed Years Adrift (2017);
- 6) "The Strongest in All Realms" by an author nicknamed The Real Man of Evil (2018);
- 7) "The Rebirth of Lü Bu the God of War" by an author nicknamed Wandering Monkey, (2019);

1 "吕布戏貂蝉戏"

2 For the complete list of novels one can open <https://www.xiaoxi.com/search.php?s=&searchkey=%E5%90%95%E5%B8%83>



- 8) “Lü Bu has a Traversal Door” by an author nicknamed Smoke and Rain Weaving Melancholy (2019);
- 9) “Lü Bu, the Tyrant of the Three Kingdoms” by an author with a strange nick Water in the Fish (2019);
- 10) “The Mighty Warrior Lü Bu Sweeping a Thousand Armies” by an author nicknamed Tabooed Rock (2019);
- 11) “The Reincarnation of Lü Bu” by an author with a strange nick Back to the Precious Sword (2020);
- 12) “Lü Bu Could Not Have Been so Fierce” by an author nicknamed Family Brother (2021);
- 13) “Lü Bu's Best Strategy” by an author nicknamed The Apple of Sobriety (2022);
- 14) “Lü Bu Reborn: The Crumbling World of the Late Han” by an author nicknamed The Madman of Heaven (2022);
- 15) “The New Chronicles of Lü Bu's Battles” by an author nicknamed The Strongest of the Strong (2022) etc.



**Pic.11. Lü Bu on an Oppo cellphone case. Origin: shot by the author of the article**



The reader may be surprised that the authors of these works, without exception, all write under flamboyant pseudonyms, hiding their real names. Yet, this is typical for Chinese entertainment literature sold as electronic editions on commercial Internet websites.

From the female perspective the most recent novels would be:

- 1) “Three Kingdoms: since Diao Chan Ran Away from Wang Yun” by an author nicknamed Stray Dog (2021);
- 2) “Diao Chan” by Qiao Xi (Qiao, 2021);
- 3) “Diao Chan Who Was Beautiful Like a Precious Jade” by an anonymous author, (2021);
- 4) “Three Kingdoms: Diao Chan’s Choice” by an author nicknamed The Great Qin Dynasty at Night (2021);
- 5) “Crossing Three Kingdoms: Diao Chan” by an author nicknamed Antelope (2021) etc.etc.

All this entertaining literature has very little artistic merit and is essentially nothing more than a reading for passing the time. It is interesting only in that it reflects the Chinese people’s undiminished interest in the corpus of texts on the heroes of the Three Kingdoms and the Chain Scheme plot.

The novel “Cao Cao and Cai Wenji” (which was later scripted into a decent TV-drama with a deep psychological examination of characters) brings the story to a higher literary level. The novel written by an anonymous author, whose identity remains a secret during the latest decade, re-works the familiar chain of events into the following sequence: Diao Chan escapes from a penal colony where the prisoners and the members of their families toiled in hard labour. She is picked up by Wang Yuan and becomes his maid servant and a sex toy. Later, when Wang Yun begins to devise a plan to kill the usurper, he ponders how to use his beautiful maid. Wang Yun orders her to seduce Lü Bu and then pretends to catch the pair *in flagranti* and starts blackmailing his dangerous guest. Some clumsy love triangle scenes would follow – the husband, the wife and the lover – and finally Wang Yun, using a mixture of threats and sexual bait, wins Lü Bu over to his side and sets him against the tyrant. In terms of composition and artistic merits, these changes do not do much to improve the story, but rather trivialize it and make all the characters vulgar and pathetic. The only interesting thing here is that the modern author approaches the classic story of love, thoroughly reworking it to their own taste and to the taste of their intended readers.

The short story “Diao Chan” from the collection “5000 Years of Classical Folk Tale Heritage” slightly changes the motivation for the tyrant’s assassination. The anonymous author leaves the first part of the Chain Scheme plot unchanged, but moves the secret meetings of the lovers from Dong Zhuo’s private garden to a Buddhist temple (obviously not knowing that Buddhism was just beginning



to spread in China in the described period). After each clandestine date with Lü Bu, the heroine, true to her intention of pitting the tyrant and his bodyguard against each other, complains to Dong Zhuo that she was harassed –again! –by his foster son. The enraged tyrant beats the adulterer to a pulp with his own hands. But it is not resentment or his own humiliation that makes Lü Bu raise his hand against his foster father – he is afraid that Dong Zhuo would be just as cruel to the girl. “My body is made of steel,” he tells himself, “but I can barely move after this beating. What will he do to her, who is so weak and delicate?” To save his beloved from a beating, he kills Dong Zhuo, at which point the story abruptly ends. The author concludes with the remark that Diao Chan's fate is lost in the darkness of history: “Whether she has fled to a faraway land after completing her mission, has committed suicide or married Lü Bu, we don't know” (Xu, 2017, p.223). The story is written with a simple but elegant language without over-emotional exaggerations typical to modern Chinese prose. It has colours, it has details, it has its own logic (apart from the heroin's lonely visits to a faraway temple in the time when a decent female from a rich family would hardly leave the seclusion of her inner chambers). I simply like the story, partly because it gives fresh nuances to the plot, with heroine being active and initiative in her scheme, and the hero being comically gentlemanly. It's a step down from the perfection of Luo Guangzhong's Chain Scheme, but it's creative in its way.

Moving to a higher level literature, we have a writer Wang Fulin (王福林), the author of a few novels about modern urban and country life in China. He is an editor of a literary journal “Grassland”, a publishing author and a winner of a few literary awards. As Wang Fulin comes from a city in Inner Mongolia, which was Lü Bu's home place, he is naturally interested in the life of his famous fellow countryman. This interest made him publish not one, but three novels on this topic: “Young Lü Bu in Wuyuan” (Wang, 2021), “Lü Bu, the real person” and “Lü Bu” (Wang, 2022).

In Wang Fulin's most recent novel “Lü Bu” the Chain Scheme is not based on “Three Kingdoms” – the writer turns back to the Yuan dynasty folk novel “Pinghua on Three Kingdoms”, in which Dong Zhuo beds his son's spouse, and the latter, upon learning of this, kills him in a fit of rage. The modern writer allows the feelings to brew: in his version Lü Bu learns that his concubine (who isn't called Diao Chan, but Ming Yue, “Fair Moon”) ended up in Dong Zhuo's harem and decides to win her back, but the beauty is afraid of the tyrant and fears for the life of her beloved husband. So, she persuades him to wait and be patient. He tries to be patient, but being Dong Zhuo's bodyguard, he is sometimes forced to meet Ming Yue in his lord's inner chambers. The love longing becomes unbearable and the former spouses begin a love affair behind the usurper's back. Only then the minister Wang Yun steps out to persuade the young man to kill the tyrant, which Lü Bu indeed does after working out the detailed plan of murder with the assistance of Wang Yun and other courtiers. In this version, the female figure is again a quiet,



submissive and gentle wife, and the protagonist is a blameless knight, forced to shed blood against his will. The writer absolves his countryman of all the crimes of the regime: unlike the historical and literary Lü Bu, Wang Fulin's character does not plunder graves, does not kill people left and right, does not betray his masters, but often gives them sensible advice that they are not smart enough to follow. He remains true to his promises, is faithful to his wife and family members and dies with dignity.

The novel is written in a sketchy, deliberately lapidary style that partly mimics the style of medieval Chinese *baihua* novels. I personally would have enjoyed it more had the author depicted his characters in a more multidimensional way without trying so hard to exonerate his protagonist.

## **Conclusion**

---

The Chain Scheme is one of the most developed and refined plots in Chinese historiography, classical literature, as well as in theatre, film, and television. Its popularity has not diminished over time. The reason for this popularity must be sought in the compositional flawlessness, especially in the way it was reworked by Luo Guangzhong's genius.

Besides, the plot includes:

- 1) The motif of the struggle of good against evil, popular with all the mankind; the victory of good over a much more powerful evil, which at first seems invincible;
- 2) The “war of wits” motif, popular among the Chinese since antiquity, a brilliant stratagem that is based not on physical superiority over the enemy, but entirely on playing on their moral and psychological weaknesses;
- 3) The motif of romantic love; the separation and reunion of lovers, admired by the mass audience but subdued by the Confucian value system.

The revised plot absorbs elements from historical chronicles and literary sources, and then in a way it returns to the beginning, enriched in detail along the path. Diao Chan is always an intriguing image whose motivations vary from variant to variant, yet always form the stem of the plot. The image of Lü Bu swings from a dishonest scoundrel who kills benefactors for profit to a love addict in shining armors – and back again. But even in the versions where Lü Bu is a traitor and an opportunist, he is never entirely evil, and as the story progresses, his lust transforms into true love, distinguishing him from the other characters. The masculine heroes of the “Three Kingdoms” corpus pride themselves of their indifference to women, they despise love affairs and devote themselves solely to martial exploits and battles. Lü Bu is the one and only exception: where the protagonist Liu Bei, when in danger, abandoned his wife and children without pity or doubt, Lü Bu chose death at the end of his life's journey in order not to part with his beloved ones: he missed the opportunity to escape from the besieged fortress because his



wife and daughter couldn't follow him. Luo Guangzhong's novel presents this as a misplaced pity and weakness of character. The new times, however, have new interpretations.....



**Pic. 10. The “Chain Scheme” characters on a tee mug. Origin: shot by the author of the article**

In the second part of my work, I am going to follow the changes of the plot and artistic devices as they occur in the numerous 20th and 21st century TV-adaptations of the Chain Scheme plot. I will analyse artistic devices and narrative tropes in cinematographic versions of the story, trace the changes that the plot has undergone in modern TV-dramas and make some conclusions as to the clash of traditional and modern value systems.

## References | Список литературы

---

- Brashier, K. E. (2014). *Public Memory in Early China*. Harvard University Asia Center.
- Chen, S. (1999). *The Chronicles of Three Kingdoms*. China Bookstore. (In Chinese)
- De Crespigny, R. (2010). *Imperial Warlord: A Biography of Cao Cao, 155–220 AD*. Brill.
- De Crespigny, R. (2020). Introduction. In *Sima Guang. To Establish Peace: being the chronicle of Later Han for the years 189 to 220 AD as recorded in chapters 59 to 69 of the Zizhi tongjian of Sima Guang*. Internet Edition.
- Dong, H. (1983). *All Tang Dynasty Texts, Volume 642*. Chinese Bookstore. (In Chinese)
- Fan, Y. (2018). *The Book of the Later Han*. Zhongzhou Ancient Books Publishing House. (In Chinese)



- Li, H. (1977). *Notes to Li He's Poetry Collection*, Volume 2. Shanghai People's Publishing House. (In Chinese)
- Luo, G. (1980). *The Popular edition of Three Kingdoms*. Shanghai Ancient Books Publishing House. (In Chinese)
- Luo, G. (2020). *The Romance of Three Kingdoms*. Changjiang Literature and Art Publishing House. (In Chinese)
- Pei, S. (2017). *A New Commentary on the "Three Kingdoms Commentary"*. New Wenfeng Publishing Company, 2017. (In Chinese)
- Qiao, X. (2021). *Diao Chan*. Internet ed. <https://www.wbxsw.com/html/109/109894/> (In Chinese)
- Sima, G. (2020). *To Establish Peace: being the chronicle of Later Han for the years 189 to 220 AD as recorded in chapters 59 to 69 of the Zizhi tongjian of Sima Guang*. Internet Edition.
- Su, S. (1982). *The Collected Poems of Su Shi*, Volume 16. China Book Bureau. (In Chinese)
- Tang, L. (2018). *On the Evolution of Lü Bu's Image*. Sichuan University of Foreign Languages. (In Chinese)
- The Governor of the South Gates (2010). *The secret history of Cao Cao*, Volume 1. The New World Publishing House. (In Chinese)
- Wang, F. (2021). *Young Lü Bu in Wuyuan*. Publishing House Yuanfang. (In Chinese)
- Wang, F. (2022). *Lü Bu*. Internet ed. [https://vip.chinawriter.com.cn/member/wangfulin1212/viewarchives\\_395855.html](https://vip.chinawriter.com.cn/member/wangfulin1212/viewarchives_395855.html) (In Chinese)
- Wang, L. (2005). The Origin and Evolution of Diao Chan's image in "Chain Scheme" story. In *Studies in Ming and Qing Fiction*, (4), 45-54. (In Chinese)
- Xu, H. (ed.) (2017). *Diao Chan*. In *5000 Years of Classical Folk Tale Heritage*. Shanghai Cultural Press. (In Chinese)
- You, G. (2014). The Precious Horse and the Hero. In *Everyday Learning*, 13(1), 30-32. (In Chinese)
- Zhang, Y. (1986). *The Essentials of Legal Writing*, Volume 9. Shanghai Calligraphy and Painting Press. (In Chinese)
- Zhong, Z. (Ed). (1989). *Three Kingdoms in Plain Language*, Volume 1. Bashu Book Society. (In Chinese)



# The Evidence of the Dead Body. On Moral Consciousness and Legal Practice in the Qing China

---

**Asia Sarakaeva**

Hainan University. Haikou, China. Email: asia-lin[at]mail.ru

Received: 20 August 2022 | Revised: 10 October 2022 | Accepted: 7 November 2022

## Abstract

---

The article is a case history study. Basing on a well-documented criminal case of 1809, the author explores such issues as corruption in the ranks of Chinese officials; effectiveness of severe punishments for crime prevention; the methods criminal offences were committed and investigated in the Qing empire, and the level of public awareness of these methods; principles of sentencing; and the issue of crime and punishment in the mass consciousness of the Chinese in the late 17th and early 19th centuries. Special attention is paid to a remarkable phenomenon of fictionalizing of a real incident in witness reports, i.e. the introduction of popular moral, didactic and religious motifs widely known in the folklore and literature of that time.

## Keywords

---

Late Imperial China; Qing Dynasty; Case History; Crime and Punishment; Dead Body; Forensic Body Examination; Criminal Investigation; Legal Practice; Law and Fiction



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



# Свидетельство мертвого тела. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае

---

**Саракаева Ася Алиевна**

Хайнаньский университет. Хайкоу, Китай Email: asia-lin[at]mail.ru

Рукопись получена: 20 августа 2022 | Пересмотрена: 10 октября 2022 | Принята: 7 ноября 2022

## Аннотация

---

Статья написана в жанре казусной истории. На материале подробно задокументированного уголовного дела 1809 г. автор рассматривает такие вопросы, как коррупция в рядах китайского чиновничества; эффективность круговой поруки для профилирования преступности; способы совершения и расследования уголовных преступлений и уровень осведомленности населения об этих способах; принципы наложения наказаний; тема преступления и наказания в массовом сознании китайцев конца XVII – начала XIX вв. Отдельного внимания заслуживает такое примечательное явление, как беллетризация реального происшествия в отчетах свидетелей, внесение в него популярных морально-дидактических и религиозно-мистических мотивов, широко известных по фольклору и художественной литературе того времени.

## Ключевые слова

---

позднеимперский Китай; династия Цин; казусная история; преступление и наказание; мертвое тело; осмотр трупа; уголовное расследование; судебная практика; закон и художественная литература



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



In contemporary Chinese cinema, in its popular genre of the costume detective, one of the most frequently described crimes is the murder of an honest official by his colleagues or corrupt bosses. In fact, whenever an official becomes the victim of a murder mystery, the viewer already knows roughly who the murderer is and just waits to see how he will be unmasked. However, in actual late imperial court practice such cases are extremely rare. The case of 1809 is one of the rarest examples, in which even the investigating inspectors and the imperial Board of Punishments could not entirely believe that the murder plot had indeed been organized by a magistrate. But the singularity of the crime itself does not mean that it is an isolated case that says nothing about the society and state of the Qing Empire; on the contrary, it reflects, like in a drop of water, the many trends and features of the moral, legal and even religious consciousness of the Chinese people.



**Picture 1. The court hall of Qing China. Museum reconstruction. The red clubs on the right are used for torturing the suspects. The animal-figured constructions on the left are mini-guillotines for beheading. The origin: courtesy of the author's student**

In 1808, a Shandong-born Li Yuchang passed the state examinations for the highest academic degree, jinshi, and received his first assignment: at that time there was a flood in the southern province of Jiangsu, and inspectors were needed



to oversee the expenditure of state funds to help those affected. But soon after arriving in Jiangsu, in Shanyang County, Li Yuchang died mysteriously – his servants found his body hanging from a beam in the morning, and the local coroner, called for an examination, attributed the cause of death to suicide. The county Magistrate, Wang Shenhan, took all the deceased's papers but, he claimed, found nothing in them to indicate a reason for such a desperate act. So the Inspector's body, in a closed coffin, was handed over to his uncle, Li Taiqing, and taken to his homeland.

At the family home, the uncle and widow of the deceased began to sort through his belongings, and were surprised to find that Li Yuchang's uniform, which was lying in a separate chest, had small bloodstains on the inside of the sleeves, on the cuffs. They drew the logical conclusion that such stains could only appear if the man was bleeding in his throat and wiping it off with his sleeves, which of course was not consistent with suicide in a noose. Then they opened the coffin, examined the body of their husband and nephew themselves, and saw that that his face was stained with lime juice, which was used to whiten the bruises on the corpse posthumously; a yellow paper tape with Taoist incantation was glued to the body, and a small mirror was hidden in the dead man's clothes, which meant that someone had taken precautions against revenge of an enraged dead man. Moreover, when they placed a silver needle in the mouth and gullet of the deceased, the silver turned black and could not be washed off – a sure sign of arsenic poisoning in old China. Li Taiqing then traveled to Beijing and brought a formal complaint to the authorities and asked them to investigate his nephew's death.

Quite soon the matter reached even Emperor Jiaqing himself and became the subject of almost daily correspondence between him and his ministers in August and September 1809. An Investigation, overseen from capital, was launched.



**Picture 2. Court session in Qing China. The origin: Internet open sources**

The first important testimony was given by the servants of the late Li Yuchang, who had accompanied him on his fateful inspection trip. They said that on the last evening of his life their lord was invited to dinner with Magistrate Wang, and they noticed that Wang was having some mysterious conversations with one of his subordinate officials. As for Li Yuchang, he was, according to the servants, unusually absent-minded and even began to ramble, asking the servant if he had brought his blanket to the county office, – the evidence which should have led the investigator to believe that the victim was becoming mentally disturbed. When Li Yuchang returned to the monastery where he had lodged during the inspection, he drank tea, let people go and started working on documents. In the morning he was allegedly found already hanged. Another important detail, provided by the servants, was the report of a very formal inspection of the body by the county coroner, who arrived at the monastery together with Magistrate Wang and the provincial Governor, took a quick look at the corpse and did not even undress it, being satisfied with pulling down a stocking from one leg. The “yin and yang expert” who also came with them then glued a spell on yellow paper to the body and placed a mirror in the coffin, and the servants did not dare ask about the reason and necessity of these actions.

The coroner admitted his negligence, but explained it as a direct order of Magistrate Wang, who told him that “there was no need to go further” (Hegel, 2009, p.231). Wang Shenhan, himself an elderly official in his late eighties, endured several interrogations, but then, under torture, which included twisting his ears and kneeling on chains, revealed that he had devised and successfully carried out



a scheme to embezzle public funds meant for flood victims: he inflated the number of victims to pocket the difference. He invited Li Yuchang, who had come for an inspection, to take part in the scheme, but got an indignant refusal. Thereafter, Wang bribed one of Li Yuchang's servants to spy on his master, and soon learned that the young Inspector was writing a report of his criminal activities. He then panicked and decided that his only option was to kill Li.



**Picture 3. Court session in Qing China. The origin: Internet open sources**

Li Yuchang's servants confirmed this version of events under torture. The same bribed servant, Li Xiang, had slipped arsenic into his master's tea. However, a few hours later, when the Magistrate sent his confidant Bao Xiang to inquire whether he had succeeded in his plan, they found out that Li Yuchang was very ill, but still alive and it was unclear whether he would die at all. Then Bao Xiang promised Li Xiang and his companions hundred liang of silver each if they agreed to kill the Inspector immediately. The reaction of one of the servants, Ma Liansheng, was astonishing. On learning that Li Xiang had already poisoned their master, he exclaimed: "Why did you decide to ruin our master? I'll go and get someone to help!" But they argued: "If you call for help, you will be implicated. If you don't, you are taking part in it!" (Hegel, 2009, p. 234). And this proved enough to make Ma Liansheng cast aside all doubts as he followed his accomplices to Li Yuchang's bedroom, where four servants grabbed and hanged the hapless Inspector. By the way, they claimed they were never paid for the murder. Instead, Magistrate Wang gave huge sums to his superior, the provincial governor, as well as



the coroner and some of his subordinates. He insisted that he had not revealed the assassination plan to them, and that he had given the gifts just in case, so that they would be more inclined to trust him and not interfere in his affairs.

The emperor was furious and demanded the criminals get the harshest punishment possible under the law. On 21 August 1809 sentences were handed down whereby the Magistrate's servant Bao Xiang was to be beheaded immediately; the servants of Inspector Li, who had taken the life of their own master, were to be taken to Shandong to his grave, where they were to be executed after tortures, and their heads were to be sacrificed to the spirit of the murdered man. On the same day an administrative decree was issued blaming of negligence Wang Shenhan's immediate superior and the governor-general of Liangjiang province, who had conducted a preliminary investigation of this case and failed to find out the whole truth, and removing them from their respective offices. Moreover, the unsuccessful investigator was exiled to Urumqi, in the far west of the empire, as did Wang Shenhan's eldest son – in line with the law that extended the punishment for particularly grave crimes to the immediate family of a criminal. But there was no further investigation into the embezzlement of state aid funds, and the court seemed to fully believe that other officials in Jiangsu province and Shanyang County were not involved in the killing of Inspector Li. And in a somewhat ironical twist, the murder mastermind himself received a disproportionately light sentence: he was formally sentenced to be beheaded after the Assizes, but as he was already very old, tradition dictated that his sentence be lightened by one degree. Thus, actually Wang was sentenced to one hundred strokes with a heavy stick and an exile of three thousand li from home, which in his case, oddly enough, brought the criminal almost to the capital – the city of Shuntian near Beijing.

The murdered Inspector was honored by the Emperor with a personally composed poem, "I mourn the Loyal one" (Hegel, 2009, pp. 226-241).

This criminal case is of interest to the researcher in several ways. Firstly, there is corruption within the Qing officialdom and the central government's attitude towards corrupt local officials. The Qing laws on corruption were extremely strict, treating as a bribe any receipt of a benefit by an official, be it a holiday gift or direct payment for pre-arranged services. A separate article of the law stipulated the so-called "trading in influence", which referred to the giving of a gift by a private person or a lower official to a higher one, without any requests or conditions, and made for the sake of establishing a good relationship that could be used in the future. Such an act was also treated as a bribe, and carried criminal penalties for both the bribe-giver and the administrator who accepted such a gift (Park, 1997, p. 970-972). Wang Shenhan's numerous cash gifts to his provincial governor, colleagues and coroner could well have been regarded as 'influence peddling' and punished accordingly. Why was this not done, even in spite of the head of state's obvious anger and desire to deal harshly with all the perpetrators of the incident?



Picture 4. A Chinese courtier in court attire. The origin: Internet open sources



The fact is that the actual law enforcement practices in Qing China were sometimes strikingly different from the written law. In particular, the government preferred, for the most part, to ignore corruption in the ranks of the officialdom. As Nancy Park shows in her work “Corruption in Eighteenth-century China”, virtually all the high-profile corruption cases of this period were politically motivated: charges of bribery, extortion, illegal bribes and embezzlement were brought only against members of the ruling elite on the wrong side of the political fence, while no such acts were attributed to others (Park, 1997, p. 997-998).

The Chinese culture as a whole can be considered one of the reasons for this discrepancy between the codified law and its practical application, for it has always attached great importance to gift exchange – it is still almost impossible to express respect and goodwill to another person or to establish close relations without regular exchange of gifts for every holiday or significant event in the life of the giver. Another, no less important, reason for the Qing government's tolerant attitude towards dignitaries was the government's own economic benefit. The local administrations were constantly underpaid; the magistrates always had to look for finance wherever they could find it, or else they could not pay salaries to their subordinates and wages to the runners. More than that, even the routine duties of the offices had to be funded by bribes and irregular additional taxes. Even the Great Qing emperors themselves were not squeamish about replenishing their coffers in this way. For example, the Qianlong emperor issued a special edict prohibiting the officials to travel around their administrative areas to collect donations from the local population, and at the same time he made – and probably with the same purpose – 72 trips across the empire, of which the 6 longest were to Jiangnan – the richest region in China. According to contemporaries, these voyages literally bankrupted Jiangnan, but the emperor considered them, along with the conquest of Xinjiang, the main achievements of his reign (Elliot, 2009, p. 69). It was this political practice that prevented the government from punishing bribe-takers with due severity for the fear of paralyzing the administrative apparatus nationwide.

Another noteworthy aspect of the above story is the status-based, Confucian ideology-driven principle of imposing punishments. According to Confucian philosophy, all relations between people are described in terms of status pairs: subject and sovereign, father and son, elder and younger brothers, husband and wife. These pairs are organized hierarchically, and it is the very inequality of rights and duties that is seen as a guarantee of social stability. And, although on the declarative level it is recognised that the main responsibility in a pair lies with the superior member, in practice this inequality always imposes increased duties on the inferior one – it is he (or she) who must obey, serve, sacrifice, and receive severe punishments for not fulfilling their duty. In all the Chinese codes since ancient times the murder of a superior by someone with the inferior status was treated as the gravest of all possible crimes (Zhang, 2011, p. 47)



**Pictures 5-6. Chinese officials in official gowns. Late Qing period.  
The origin: Internet open sources**

Therefore, of the four immediate perpetrators of Inspector Li's murder only one, Bao Xiang, was given a relatively light execution by beheading because he was another man's servant and did not raise his hand against his own master. The other three murderers were regarded as maximum risk offenders and received the harshest penalty of torture and execution. In stark contrast to this severe sentence stands the leniency with which the law treated the mastermind of the killing, Magistrate Wang Shenhan, who survived and was allowed to live the rest of his life in relative comfort near the capital. One can surmise that, from the point of view of the Qing judges and the Emperor who approved the sentence, the official who organized the murder of another official was an ugly aberration, an exception to the common order, an example of moral failure rather than a real social danger. Whereas the servants who murdered their master were a public menace, a challenge to all the cosmic and social foundations.

And yet this case shows that neither the severity of punishments, nor the principle of collective responsibility could serve as an effective preventive measure for crimes. The ease with which servant Ma Lianshen agreed to participate in the murder of his master cannot but impress. He went to kill a man who did him no wrong and for whose murder, if exposed, he would face a painful execution,



simply to avoid the police interrogation and suspicion of complicity. Yet we insist that this fatal decision was not as much a result of servant Ma's stupidity, as it was a deliberate and pretty rational strategy for a man in this position.

As we have already proved in one of our previous works, the leading reaction of ordinary Chinese to any problem requiring state involvement in private affairs was fear ranging from quiet avoidance to terror (Sarakaeva, 2021, p. 114). The law and the common court practice were to subject witnesses and litigants to forensic torture to verify their testimony; the interrogation system was based on psychological pressure and intimidation, the judge was supposed to display anger and distrust to any testimony and require all litigants to immediately stop lying and confess to everything; and more than that – all persons of interest were to be jailed awaiting trial to ensure their presence at the next hearing, and could thus spend as much as several month in prison leaving their families without support.



**Picture 7. Torture hall adjusting to a court building. Museum reconstruction.  
On the rafters one can see hooks for hanging bounded prisoners.  
The origin: shot by the author in Jiangxi province**



So by poisoning Inspector Li's tea, servant Li Xiang put his other two companions before an extremely difficult choice: either post factum approve of his actions and take part in the murder, or run for help and later end up as witnesses or even defendants in a trial presided by Wang Shenhan – the commissioner of the crime, where Li Xiang and his accomplice Bao Xiang would surely name them as co-conspirators. In other words, the choice could be described as either guaranteed torture and death in the unlikely case they get caught, or a guaranteed trial with torture and possible death in case they run for help. So Ma Lianshen's choice to kill the master was, in its own way, quite logical, as it gave him at least some chance of not getting hurt at all.

A rather interesting detail of this case also is the carelessness and the lack of sophistication of the murderers in covering up their crime, and conversely, the high level of crime awareness of the victim's relatives. Preparing the murder in haste and panic, Wang Shenhan may not have had chance to figure out the time frame in which arsenic acts on a person and how much of it should be given so that the victim dies quickly. But after Li Yuchang's death, all of Wang's actions appear suspicious, from the outright grabbing of the deceased man's papers to magical rituals designed to appease the murder victim's resentful spirit and prevent his revenge. He not only gave Li Yuchang's family the coffin with his body (and the lime stains on his face), but even his blood-stained clothe. On reading these details, it is hard not to agree with the Qing investigators who thought an official in the role of assassin was something of a rarity and a curiosity. It is sufficiently obvious that Wang Shenhan, himself an ex officio investigator and judge of criminal offenses, nevertheless did not know how to conceal his own atrocity, or was absolutely convinced that his high position, in itself, would shield him against any suspicion.

By contrast, the Li family not only knew the signs of arsenic poisoning – which were known to most people in China because arsenic was the only poison widely available – but also knew how to hide the bruises and abrasions on a dead body. They were also able to correctly interpret the nature and location of the bloody marks on their relative's clothes. And this level of understanding seems strange because Li Taiqing was a military man, his career had nothing to do with criminal investigation, and his daughter-in-law was a domestic recluse as was expected of an upper-class woman in old China. So we might, with a certain amount of assumption, guess that such knowledge could only have been gained by them from literature.



**Picture 8. Torture instrument. Museum reconstruction.  
The origin: shot by the author in Jiangxi province**

And this brings us to the last – but not the least important – conclusion from the described story case – namely, the observation about the high role of literature in the daily life of Chinese intellectuals and the belles-lettretization of real-life incidents in the court reports and memoirs of the participants.

This phenomenon and its influence on business documentation have already been highlighted by scholars of Chinese literature, such as Robert Hegel, who has edited an entire collection of research articles entitled “Literature and Law in Late Imperial China”. He notes: “The authors of legal texts displayed a creative flair for drafting reports addressed to higher authorities. This is not to say that Qing Chinese officials and their legal advisers deliberately distorted their material. However... They had to redact important information..., which involved creative rewriting of oral testimony” (Hegel, 2007, p. 83). Daniel Youd in the same collective monograph explores the mutual influence of fiction and descriptions of authentic court cases, in particular he mentions famous writers of the Qing time such as Li Yu (1610-1680) and Li Liuyuan (1707-1790), who in addition to fiction prose also compiled judicial collections or personally served as county officials (Youd, 2007, p. 216).



And yet these scholars mainly compare the stylistics of legal and fiction texts, whereas my case lets us to speak of an even deeper penetration of literature into the field of practical jurisprudence – of the ways the reality is perceived, interpreted and memorized.

First of all, I would like to remind the reader about the reference to darkening silver as an indicator of arsenic poisoning. In fact, silver does not change color when it touches the esophagus of a poisoning victim, so it is highly unlikely that Li Taiqing and his daughter-in-law could have observed such a phenomenon. It is also unlikely that they deliberately intended to deceive the authorities to who they were petitioning, for the purpose of their complaint was precisely to reopen the investigation, i.e. to re-examine the corpse in the first place, at which moment any lies would have been exposed. Nevertheless, they confidently asserted that the silver had darkened and could not be washed. These people, who knew from numerous literary descriptions what the signs of poisoning should look like, simply modeled and conceptualized reality according to the literary canon.





**Pictures 9-10. Prison buildings. Museum reconstruction.  
The origin: shot by the author in Jiangxi province**

But an even more colorful story line is provided by the twice-recorded accounts of Jing Chunfa's visions. The first time they are briefly recounted by Governor-General Te (the man who would later be exiled to Urumqi for failing to investigate). It is mentioned in his report to the Emperor that on 7 March 1809 Jing Chunfa, an old friend and classmate of Inspector Li Yuchang, suddenly began behaving strangely, fell to the ground and declared: "I am Li Yuchang, I have returned from Shanyang, where I died a cruel death!" and then began to weep bitterly until he stopped breathing (Hegel, 2009, p.227). Unfortunately, it is not known where the Governor-General's information came from.

The second time we learn about Jing Chunfa's astonishing accident is from the testimony of the victim's uncle, Li Taiqing, when he came to Beijing with his complaint. He claimed that Jing Chunfa was riding a donkey in his hometown when he was met by a procession carrying some official in a sedan-chair. Jing customarily dismounted and greeted the official with a bow. When the official stepped out of the sedan-chair to greet him in return, Jing was surprised to recognize the man as his friend Li Yuchang, who had recently left for his duty in Jiangsu. Li explained that he was on his way to his home county in Qixia to take over as the patron god of the city. From this, Jing Chunfa realised he was talking to a dead man, got terrified and ran home. After telling his wife about his terrible encounter, he complained of a sharp headache and asked for tea, but when she brought him a cup he could not



drink: “Looking at this tea reminds me of drinking that poisoned tea and dying in agony!” To his wife, his voice sounded unfamiliar and she asked who he was, to which he stated, “I am Li Yuchang. I was on my way to my duty station in Qixia County when I bumped into my classmate Jing Chunfa, then I invited him along to help me manage.” And with these words Jing passed away. This evidence, according to the testimony of Li Taqing, was given by Jing Chunfa’s wife (Hegel, 2009, p. 237).



**Pictures 11-12. *Buguai* – the court executors, who stood by the right and left of a Chinese judge armed with wooden clubs and ready to use them against any uncooperative witness or prisoner. Museum reconstruction. The origin: shot by the author in Jiangxi province.**

This is a popular story in Chinese short stories: the soul of a wrongly murdered person moves into another person, most often into a murderer to punish him, or into any stranger to complain about the offense suffered and to punish the wrongdoer according to the law. I will not enumerate in detail all the variants of this plot in the works of Chinese authors, suffice will be to mention only a few. In Feng Menglong’s collection (1574-1646) “Thrice revived Sun”, the soul of a clerk killed by his wife possesses a maid to ask for help from the famous judge Bao (Feng, 1989, p.61-80). In the collection of the Qin author Ji Yun’s “Notes from the Thatched Cottage” this surprising phenomenon is described and discussed on the theoretical level; here the spirit of the deceased is “looking for a replacement”, that is he takes hold of other people and encourages them to suicide, or, having been killed, a person turns into an evil spirit and runs amok until his murderer is exposed and executed, and only then he calms down (Ji, 1974, p.361). In Shi Yukun’s novel “Three Knights and Five Gallants” the spirit of the murdered woman inhabits the man, and the spirit of the murdered man – the woman, in the hope that the strange behavior of



the possessed will attract the attention of a wise judge who will avenge their untimely death (Shi, 1974, p.15)

Inspector Li Yuchang's spirit in this report behaves similarly: he possesses the body of an old friend, probably getting such an opportunity because the friend was already secretly ill, his vital energy was exhausted and he was especially close to the world of the dead. Borrowing Jing Chunfu's mouth he gives important information to the living: firstly, about the place and circumstances of his death, and secondly, that he has been posthumously appointed god of the city and, therefore, he should be prayed to and given offerings. But after the case is closed and the murderers punished, Li's soul stops communicating with the living, the main reason for this is that the injustice done to him has already been remedied.

I find it significant that not only the dead man's uncle but even the provincial Governor-General considers the strange incident with Jing Chufu credible enough and – more important still – a sufficiently characteristic sign of a hidden crime to include it in his reports. Assuming that nobody in this case is outright lying, I can only guess how the sudden death of a friend was combined in the minds of people with a mysterious death of another, how Jing's wife's story about his last moments in Li Taiqing's account acquired the usual features of a plot about a murdered man coming back from the other world to denounce a murderer, the story everybody was already familiar with from literary works. But no matter how exactly it happened, no matter what psychological mechanisms were involved, under whose pen the reality got reinterpreted, the important result was a belles-lettretization of the real incident. And what is more, the literary formula itself was apparently so ingrained in people's lives and minds that it became virtually invisible to them, since neither the authors nor the addressees of these court reports expressed the slightest doubt that such literary accounts could be true, and not produced by excessive reading or imagination.

Thus, on the material of a single court case we have traced how social and interpersonal conflicts were refracted in the minds of early 19th century Chinese, who was considered guilty of crime by morality and law, and what was seen as the just punishment for guilt and a deserved posthumous reward for virtue.



**Picture 13. A Chinese judge ready to open the court session. Museum reconstruction.  
The origin: shot by the author in Jiangxi province**

## References

---

- Elliot, M. (2009). *Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World*. Longman.
- Feng, M. (1989). The Thrice Revived Sun. In *The Pranks of the Idle Dragon: Twenty-five Stories from the Sixteenth to the Seventeenth Century* (pp. 61-80). Fiction Book. (In Russian)
- Hegel, R.E. (2007). The Art of Persuasion in Literature and Law. In *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* (pp. 81-106). University of Washington Press.
- Hegel, R.E. (Ed.). (2009). *True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories*. University of Washington Press.
- Ji Y (1974). *Notes from the Thatched Cottage*. Science. (In Russian)
- Park, N.E. (1997). Corruption in Eighteenth-century China. *The Journal of Asian Studies*, 56 (4), 967-1005. <https://doi.org/10.2307/2658296>
- Sarakaeva, A.A. (2021). The Hand of Law and the Body of Family. Family, Fear and the Court of Law in Qing China. *Corpus Mundi*, 2(2), 84-119. (In Russian)
- Shi, Y (1974). *Three Knights and Five Gallants*. Fiction Literature. (In Russian)



- Youd, D. M. (2007). Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature. In *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* (pp. 215-233). University of Washington Press.
- Zhang, T. (2015). Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China. In *Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation* (pp. 47-83.). Brill.  
[https://doi.org/10.1163/9789004288492\\_004](https://doi.org/10.1163/9789004288492_004)

## Список литературы

---

- Elliot, M. (2009). *Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World*. Longman.
- Hegel, R.E. (2007). The Art of Persuasion in Literature and Law. In *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* (pp. 81-106). University of Washington Press.
- Hegel, R.E. (Ed.). (2009). *True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories*. University of Washington Press.
- Park, N.E. (1997). Corruption in Eighteenth-century China. *The Journal of Asian Studies*, 56 (4), 967-1005. <https://doi.org/10.2307/2658296>
- Youd, D. M. (2007). Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature. In *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* (pp. 215-233). University of Washington Press.
- Zhang, T. (2015). Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China. In *Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation* (pp. 47-83.). Brill.  
[https://doi.org/10.1163/9789004288492\\_004](https://doi.org/10.1163/9789004288492_004)
- Саракаева, А.А. (2021). Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в Цинском Китае. *Corpus Mundi*, 2(2), 114-119. <https://doi.org/10.46539/cmj.v2i2.45>
- Фэн, М. (1989). Трижды оживший Сунь. В *Проделки Праздного Дракона. Двадцать пять повестей XVI–XVII веков* (сс. 61-80). Художественная литература.
- Цзи, Ю. (1974). *Заметки из хижины «Великое в Малом»*. Наука.
- Ши, Ю. (1974). *Трое храбрых, пятеро справедливых*. Художественная литература.



# Animals and Humans: Interactions in Nineteenth-Century Russian Culture

---

**Anastasiya A. Lokteva**

Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia. Email: [zveruschka\[at\]yandex.ru](mailto:zveruschka[at]yandex.ru)

Received: 29 August 2022 | Revised: 25 October 2022 | Accepted: 20 November 2022

## Abstract

---

In recent years, Animal Studies experts have concluded that unique personalities and subjectivity exist in all species, not only in humans. Throughout the “long 19th century”, the attitude of man to the animal was the attitude of the obviously higher being – the “king of nature” – to the lower. This model has developed in the highest Russian society due to fashion for everything European, primarily English.

In addition to those animals whose bodies were consumed for food, the main role belonged to horses, without the use of whose energy it was impossible to travel.

In addition to expensive horses, the wealthy kept monkeys, peacocks, deer, bears and even wolves. The ownership of these economically “useless” creatures helped confirm the social status of the owner.

The bond of people with animals in the status of a pet, which could become a family member, was especially close and mutual.

The culture of relations with animals was different for men, women and children.

## Keywords

---

Anthrozoology; Animal Studies; Environmental History; Everyday Life; Animals; Pets



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



## Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в.

---

**Локтева Анастасия Андреевна**

Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

Email: zveruschka[at]yandex.ru

Рукопись получена: 29 августа 2022 | Пересмотрена: 25 октября 2022 | Принята: 20 ноября 2022

### Аннотация

---

В последние годы специалисты по Animal Studies пришли к выводу, что неповторимые личности и субъектность существуют у всех видов животных, не только у человека. На протяжении же «длинного XIX в.», отношение человека к животному было отношением заведомо высшего существа – «царя природы» – к низшему. Эта модель сложилась в высшем российском обществе на фоне моды на все европейское, в первую очередь, английское.

Помимо тех животных, тела которых употреблялись в пищу, главную роль играли лошади, без использования энергии которых было невозможным передвижение в пространстве. Представители обеспеченных слоев держали кроме дорогих лошадей в доме обезьян, павлинов, оленей, медведей и даже волков. Владение этими экономически «бесполезными» существами помогало подтверждать социальный статус владельца. Особенно близким и взаимным было взаимодействие людей с животными, находящимися в статусе домашнего питомца, который мог становиться полноценным членом семьи.

Культура отношений с животными была различной для мужчин, женщин и детей.

### Ключевые слова

---

зооантропология; экологическая история; история повседневности; животные; домашние питомцы



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



## Введение

Со времен появления человеческой цивилизации для человека было важным отделить себя от животного, осознать свою особенность. Появляющаяся с конца XX в. в некоторых западных работах мысль о том, что человек является просто еще одним видом животного – Other Animal – вызывает бурю возмущения, и это сейчас, когда понятие прав животных сформировано и укоренено в общественном сознании. И в XXI веке мысль о том, что животные могут творить историю, ну, или хотя бы являться ее субъектами, кажется большинству весьма странной и нелепой.

Если же говорить о том, как человек относился к животному на протяжении «длинного XIX в.», то сразу же становится очевидно, что это было отношение заведомо высшего существа – «царя природы» – к низшему. В реалиях Российской Империи это еще усугублялось относительно поздней (по сравнению с Западной Европой) отменой крепостного права (система использования рабского труда сохранялась в этот период только в Соединенных Штатах Америки и Россия была последним государством Европы, где она была отменена) (Пикеринг Антонова, 2019).

В то же время, крайне важным представляется отметить, что в начале обозреваемого периода в обеспеченных слоях российского общества практики взаимодействия человека и животных нередко перенимали, вместе с другими культурными практиками, в первую очередь, из Англии. Модели отношения с дикими, рабочими и нерабочими домашними животными складывались, в том числе под влиянием моды на все английское или французское, в том числе, лошадей или собак. Но трансфер западных идей происходил значительно медленнее трансфера в российскую культуру западных мод, поэтому в Российской империи нач. XIX – конца XX вв. сложилась своя зооантропная культура, то есть, культура взаимодействия человека и животного (Гийо, 2017).

Развитие понятий о животных как о субъектах или хотя бы акторах общественной жизни является логическим следствием, а потому частично напоминает процесс становления прав меньшинств, борьбу женщин за свои права. На протяжении веков мужчины и женщины конструируют друг о друге мифы, устойчивые представления, а дальше, когда женщины получили право голоса, то есть в наше время, сейчас, уже можно услышать мнение обеих сторон. А с животными все гораздо сложнее, да, ряд авторов (Д. Харувэй, Э. Баратай, Дж. Берджер) заявили о том, что у животных есть не только права, но и голос. Они полагают, что подошли достаточно близко к ответу на вопрос о том, что животным нужно на самом деле, что они хотят сказать. Но проблема в том, что у животных нет этого голоса, у них нет языка, который был бы понятен человеку. Как ни стараются люди, никакого «переводчика с кошачьего» не существует. Это эпистемологически невозможно. А обычные люди,



не обращая ни малейшего внимания на эти попытки философов и антропологов, продолжают жить, лелея свои мифические представления.

Для простоты общения с животными, которых мы, ничтоже сумняшеся, называем «братьями нашими меньшими», мы переносим на них усвоенные нами с детства шаблоны, антропоморфизуем их. Человек с легкостью закрывает для себя вопрос о том, есть ли в интеллекте мартышки что-то такое, чего нет у нас? В отличие от образа женщины, идеал которой существовал все-таки в культурной традиции, о как-либо задокументированном идеале образа домашнего животного говорить сложно. Скорее, речь идет о культурных клише – верность собаки, самостоятельность кошки, выносливость лошади.

### **Человеческие и не человеческие животные в истории: проблема субъекта**

---

В последние годы специалисты по Animal Studies все чаще фокусируются на исследовании animal personality, отмечая, что неповторимые личности существуют у всех видов животных (Заксер, 2020, с. 182). Без учета их индивидуальности их эффективное изучение невозможно. Если же говорить об исторической зооантропологии, то культурный базис человека очень сильно влияет на то, как он относится к животным, что он о них думает и чувствует, поэтому крайне важно учитывать не только то отношение к животным, которое было принято в период возникновения источника в науке, но и общее культурное отношение социальной группы его автора к животным.

Отношение к животным в том или ином обществе на той или иной стадии его развития отображает в любом случае результат взаимодействия с ними на протяжении всей истории, а не является продуктом момента. Взаимодействия, которое в своем корне опирается на идею доминирования человека над животным (Fudge, 2014). Существующий формат нашего сожительства с животными не является результатом естественных причин, мы его создали, а не природа и не сами животные. В естественном, природном виде, наше сосуществование с другими животными выглядело бы совершенно иначе. Для многих хищников незадачливый двуногий окажется не более, чем «еще одним сортом мяса» (Isenberg, 2014, p. 56), источником энергии, получаемой из пищи. В тот момент, когда крокодил преследует туриста, актерами становятся оба участника погони. Влияет на историю человека даже и не хищное животное, например, множество видов паразитов и бактерий, появившихся в нашей экологической нише в процессе одомашнивания животных.

В этом смысле российская культура XIX в. опиралась на общехристианские понятия, идущие из Ветхого Завета: при сотворении мира Адам дал имя каждому животному, так как само оно, значит, не было в состоянии это сделать (или не испытывало такой потребности). Появление теории эволюции пошатнуло эту картину мира, бросив человека в бездну массы животных, указав его место в качестве одного из них – просто самого удачливого в этой цепочке.



В итоге из соединения этих двух идей возник современный подход, когда человек спокойно ест животных и носит части их тел, но при этом сам бы не смог быть, например, вивисектором. Примерно такая же картина наблюдалась среди образованных слоев общества России и Европы и до 1917 г.

Для исследования по экологической истории важно, чтобы животное являлось не вторичным объектом (что обычно случается в «классической истории»), а одним из субъектов (или членом полисубъекта) исследования (Никольская, 2012, с. 4). Такое распределение ролей вносит свои коррективы в привычную последовательность типов источников, на первый план выходят эго-документы.

Развитие городов и промышленности удалило животных из поля зрения людей, при этом требуя все больше их тел. В 1850 г. примерно 52,4% энергии в Англии производилось животными (Fagan, 2015, p. 245). Животные стали цифрами статистики, исчезли из поля зрения (Fagan, 2015, p. 216). Уйдя из реальности, они стали занимать огромное, ранее невиданное место в культуре, раньше не было такого, чтобы почти все игрушки и другие товары для детей были в виде животных. Животные становятся визуальным шумом, персонажами мультимедиа, картинок, календарей. Человек хочет их видеть. Причем видеть в доселе невиданном масштабе, таком, в каком никогда не мог бы увидеть в дикой природе (Berger, 1991).

Если говорить об общероссийской модели взаимоотношения человека и природы, то, например, Д. Вайнер (D. Weiner) называет ее хищническим собиранием дани – predatory tribute-taking state (McNeill & Roe, 2013, p.283), относя Россию к другим «государствам Азии», практикующим такие же пользовательские отношения. В таком государстве природа и люди воспринимаются как набор ресурсов, которые надо добыть. Несмотря на некоторые попытки восстановления лесов, в целом в результате деятельности правительства страдала и флора, и фауна: вымерли туры, европейский бизон, тарпан, из степей исчезли бобры и лоси, отброшена до границ современной Молдавии антилопа сайга. Все подходящая для сельхозобработки территория степи была использована к 1881 г. После отмены крепостного права помещики так активно продавали леса на вырубку, что общая их площадь относительно территории Российской империи сократилась с 52,7% в 1696 г. до 35,16 в 1914 г. В Тверской области, например, с 75,8 до 22,6% за указанный период (McNeill & Roe, 2013, p. 288).

Вплоть до падения монархии крестьяне сохраняли существующую издревле связь с землей, их паттерны взаимодействия с объектами природы не менялись, несмотря на попытки просвещения со стороны ее защитников. Крестьянин любит свою корову, но также любит и ее мясо или доход, полученный от ее продажи. Антрополог Б. Фэйган ставит в этом утверждении предлог, не «but», а «and» (Fagan, 2015, p. 86), называя подобное взаимодействие естественным и нормальным.



В Европе в течение XIX в. произошла трансформация рабочего домашнего животного или скота в домашнего питомца. К примеру, очень важная для экономики свинья и в нашем обществе считается грязным и неприятным животным, а куда менее полезные собаки или кошки чуть ли не становятся членами семьи (Serpell, 1996). Эта идея может возникнуть только на базе уверенности в том, что животное принадлежит человеку, что оно ниже его. До сих пор, если назвать человека животным, он скорее всего сочтет это оскорбление и свидетельством неразвитости его натуры. Человек – венец творения, он поставлен Богом, чтоб пользоваться природой и животными, как ее частью.

Как уже отмечалось, особенность британского имперского отношения к миру заключалась в том, что будучи на начало XX века самой большой в мире империей, Англия ощущала свое превосходство не только над миром животных, но и над большинством других людей (Ayres, 2019, p. 2). Этому процессу очень способствовали успехи имперских биологов, которые в своих экспедициях находили множество видов новых животных, давали им имена, вводили их в научный оборот. Подобные процессы происходили и в Российской империи. Богачи относились к domestikации и приручению экзотических животных как к благу для них же, чувствовали себя их спасителями: по идеальным английским газонам гуляли зебры, Дж. Байрон держал в поместье жирафов. Иметь дома какое-то необычное животное было весьма модным. Например, Ф. Юсупов, путешествуя со своей крестной вел. кн. Елизаветой Федоровной по русскому Северу, купил в Архангельске живого белого медведя, чтобы поселить его в своем санкт-петербургском дворце на Мойке. В Царском Селе в зверинце жили слоны, на страницах журнала «Столица и усадьба» можно обнаружить фотографии представителей общества не только с любимыми собаками и кошками, но и с медвежатами, козами, обезьянами и даже детенышем леопарда или рыси, подписанным котом «Яшкой».

Большая часть городского населения не имела собственных животных, а если имела, то животное было либо источником энергии (орудием труда), либо ресурсом (например, пищи). Но среди праздного класса, в полном соответствии с теорией праздного класса Т. Веблена, возникает институт домашнего питомца. Некоторые домашние и одомашненные дикие животные становятся живыми предметами роскоши, цена которых во много раз превышает их экономическую стоимость. Среди этих животных можно выделить два подтипа: домашний любимец, имеющий психоэмоциональную связь со своим хозяином и зачастую являющийся членом семьи, и живой предмет роскоши, демонстрирующий богатство и вкус владельца (Веблен, 2016). Такие животные со временем приобретают дополнительный вес в глазах окружающих, проводя дни в просторном манеже холеная лошадь, гончая собака, которая участвует в охоте только в дни приезда в поместье хозяина, будет восприниматься обывателями как более красивая особь. Причем, понимать в статях



такого животного могут только люди определенного круга – представители того самого праздного класса.

Современные Animal Studies исследуют отношения человека и других животных не как взаимодействие субъекта-человека и объекта-животного, а как двух равноправных акторов. Но при изучении взаимодействия человека и животного в прошлом возникает объективное препятствие для такого подхода – животные не имеют исторических источников. Поэтому перед историком стоит задача отследить не только информацию о нечеловеческих животных в источниковой массе, но и тщательно ее обработать, отметив все моменты возможной антропоморфизации животных человеком, то есть присваивания животному мотивации поступков, свойственной Homo Sapiens. Основным маркером антропоморфизации современная психология считает наделение нечеловеческих существ вторичными эмоциями, свойственными только человеку: ревностью, обидой, завистью (Мешкова & Федорович, 2007).

### **Социальные группы и их отношения с животными: мужчины**

---

В дореволюционном образованном городском обществе существовало ярко выраженное гендерное разделение ролей. Сферы мужских и женских занятий были разграничены. Также в отдельную категорию необходимо выделить детей, которые были изолированы от общества вплоть до юношеского возраста, вступая во взрослую жизнь – «прямо из детской» (Безрогов, 2012, с. 9). У каждой из указанных социальных групп складывались свои собственные отношения с животными, с которыми они взаимодействовали постоянно.

Мужчины больше склонялись к спорту, то есть, к разведению животных, которыми можно было щегольнуть в обществе. Самыми доступными были птицы, певчие или, например, почтовые голуби. На рубеже XVIII – XIX вв. разведением почтовых голубей увлекался граф А.Г. Орлов-Чесменский (Коптев, 1887, с. 73). Птиц выпускали в нескольких десятках верст от города и следили, как скоро они прилетят домой. Для учета голубей имелись Studbook, как в Англии. «Орловская» линия голубей была популярна у московских купцов и полвека спустя.

Владение разнообразными ценными животными считалось приличным для джентльмена: «Главным пристрастием его были лошади: на конюшне всегда стояло несколько хороших лошадей, а кабинет заполняли конские скульптуры и картины Сверчкова. Кроме лошадей, дедушка любил растения, птиц и рыб. Где бы он ни жил – в Нижнем, в Киеве или в Москве, – его квартира напоминала зимний сад, причем он сам ухаживал за своими цветами и пальмами. Между кадками с тропическими растениями стояли аквариумы с золотыми и серебряными рыбками, а в столовой заливались десятки канареек и других экзотических птичек» (Каменская, 1991, с. 14).



В начале 1800-х гг. «Пашков, великий охотник до разных редких птиц, получил недавно из Англии пару черных лебедей, которые в самой Англии считаются еще редкостью; они привезены чуть ли не из Австралии» (Жихарев, 1955, с. 211), – пишет светский юноша С. Жихарев, планируя специально съездить в знаменитый дворец на Моховой улице в Москве, чтобы полюбоваться ими.

Главной же ценностью для обеспеченного горожанина были лошади. XIX в. это время огромной популярности скачек и бегов, ставок, журналов, коневодства. Даже журнал о конном спорте назывался просто – «Русский спорт». Популярным был также регулярно издаваемый «Альбом владельцев частных конных заводов с портретами жеребцов и кобыл лучших русских конных заводов» (Сверчков Н. Е. Портрет на фоне лошади., 2017, с. 111), курсы анатомии лошадей и пр.

Персональной привязанности к лошадям у людей почти никогда не было, они воспринимались примерно так, как коллекционер воспринимает сегодня автомобили – чем мощнее и дороже, тем лучше. Особенно ценились привозные, чаще всего из Англии: «При выходе из театра встретил генерала Петра Семеновича Муравьева, приехавшего из деревни нарочно для скачек, которые начнутся с 6 мая. Он привел трех скакунов для состязания с лошадьми графа Орлова и говорит, что надеется обскакать их. Немудрено: в прошлом году выиграл жеребец его Травлер; правда, что он был выписной, а лошади графа Орлова и других охотников – доморощенные» (Жихарев, 1955, с. 208).

Отношение к животному как к механизму распространялось и на специалистов коннозаводческой отрасли: «Редкая лошадь, которая проедет мимо вас, не покажет вам, что она есть результат занятия положительного, что при производстве ее имели в виду, чтобы она могла служить, возить, чтобы были у нее плотные, правильные ноги и широкое копыто» (Коптев, 1887, с. 745).

Самые знаменитые русские лошади – орловской породы – были созданы для работы в городе; они происходят от арабского жеребца Сметанки, а, чтобы они лучше подходили для «европейской жизни» и «для возки тяжелых и обширных экипажей», добавили «суровую мускулатуру» голландской кобылы и «широкое строение костей датской лошади». Больше всего тяжелой работы доставалось местным российским породам, сложившимся в разных регионах империи: «твердые как гранит шведка и финка, железные и закаленные на морозе мезенка и сибирка, легкие и воздушные, как гуляющий в южной степи ветер, черноморка и кабардинка».. – живописал исследователь В. И. Коптев (Коптев, 1887, с. 520). Но обычному горожанину не было дела до внешнего вида его средств передвижения. Вплоть до революции 1917 г. любое перемещение человека или грузов в пространстве немислимо без лошадей. В 1904 г. из 40 млн лошадей, обитавших на земном шаре в целом, в Российской проживали 21 млн особей, и была крупнейшая популяция в мире (Ветеринарный фельдшер, 1904, с. 42). Очень важно подчеркнуть, что лошадь проводила в городе только ту часть своей жизни, когда она могла эффективно



работать, их растили в южной части России в степях, а после нескольких лет работы (для извозчичьей лошади это было примерно лет пять), животное, скорее всего, ждала бойня. Собственные лошади в начале XIX столетия для человека считались необходимостью: «Отец посылает чмерлушек на два тулупа для обоих нас с Петром Ивановичем и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому что уроки Петра Ивановича умножаются; одной моей пары становилось для обоих нас недостаточно; теперь, когда я перешел Рубикон, некоторые лишние выезды не могут быть для меня предосудительны» (Жихарев, 1955, с. 13), – пишет в дневник юный студент Московского университета в 1805 г. С отменой крепостного права и обеднением дворянства собственных запряжек становилось все меньше.

Особые отношения иногда могли устанавливаться со своими лошадьми у кавалерийских офицеров, понимавших важность контакта с животным для более эффективной военной службы. «Когда батальоны построились, я сел на своего Голубка, в этот день ему минуло 7 лет, по случаю чего я нежно поцеловал его в морду», – вспоминает вел. кн. Константин Константинович (Романов, 1998, с. 211).

Так, технически, относились не только к животным, которые были необходимы в качестве транспорта. Охотничьи собаки воспринимались в таком же ключе: «Помещик Кологривов, родственник полицеймейстера Ивашкина, приехавший по делам в Москву, привез борзую собаку такой неслыханной резвости, что у всех охотников только и разговоров, что об этом феномене. Говорят, что Л. Д. Измайлов предлагал за нее две тысячи рублей, но Кологривов отклонил предложение, сказав, что, будучи сам охотником, он не отдаст ее ни за какие деньги; отказ его изумил многих и еще более возвысил достоинство» (Жихарев, 1955, с. 252). Другие же собаки, которых держали исключительно ради престижа, не воспринимались как личности: «Имея прекрасного сенбернара, Петр Иванович хвастался, что ударами плетки может заставить его съесть лимон» (Водовозова, 2018, с. 31). Совершенно нормальным развлечением для городского среднего класса и несколько низким для дворян были бои животных и травля. Многие видели в этих увеселениях нечто исконно русское, традиционное, и искренне наслаждались ими. Студент С. П. Жихарев в 1805 г. назвал увиденный им петушиный бой «сущою жестокостью, не менее отвратительною, как и медвежья травля» (Жихарев, 1955, с. 54), но и через 40 лет журнал Коннозаводства помещал в своих выпусках рассказ, например, о «междоусобном бое медведей князя Виктора Васильчикова»<sup>1</sup>. «Московские ведомости» печатали даже портреты наиболее успешных бойцов-медведей: Ахана, Великана и Давилы (Коптев, 1887, с. 941).

Держать медвежат в качестве домашних питомцев было совершенно обычным делом вплоть до падения монархии. Срок службы такой живой игрушки ограничивался несколькими месяцами ее детства: «Не помню, кто-то

<sup>1</sup> Библиографический указатель к «Журналу коннозаводства» за 1842–1891 гг. Предисловие. С. 2.



подарил папеньке презабавного маленького медведя, который, бегая по нашей квартире, потешал всю семью нашу. И мало того, что забавлял нашу семью, он скоро сделался любимцем самого президента Академии А. Н. Оленина, который перед выставкой часто заходил поговорить с отцом моим о делах. Приедет, бывало, Алексей Николаевич, войдет к папеньке в кабинет и вместо того, чтобы совещаться с ним о чем-нибудь нужном, по целым часам, тихо хихикая, любителю на маленького Мишку», – вспоминает дочь художника М.Ф.Каменская. Когда вел. кн. Михаил Александрович командовал полком в Орле, офицеры подарили ему ручного медведя: «Это был сильный и очень забавный зверь, и Михаил Александрович любил с ним пробовать свою силу и бесстрашно боролся» (Мордвинов, 2014, с. 469). Надо полагать, что когти и клыки животного в таком случае удалялись в самом раннем возрасте. Очевидно, что, учитывая огромную силу этого животного, для дрессировки использовались жестокие методы, сходные с теми, которые применяли поводыри изуродованных медведей-комедиантов, в изобилии бродивших с кольцом, продетым через нос, по всей Российской империи.

Была категория животных, которая проникла в кабинет и иногда даже и сердце мужчин, не ухудшив своих условий существования. С сокращением масштабов охоты российские собаки проявили удивительную, но вместе с тем свойственную этому биологическому виду способность – они подстроились под человека, сохранив и даже преумножив себя в его экологической нише, став собакой-компаньоном. Вот как описывает уже переехавший в Санкт-Петербург на службу бывший студент С.Жихарев свою встречу с Г.Державиным: «В беличьем тулупе, покрытом синею шелковою материею, сидел в креслах за письменным столом, стоявшем посредине кабинета, углубясь в чтение какой-то книги. Из-за пазухи у него торчала головка белой собачки, до такой степени погруженной в дремоту, что она и не заметила моего прихода» (Жихарев, 1955, с. 277).

Про своего любимца этот же автор говорил, что тот умер от старости: «бедный Трезор мой, охранявший меня почти от самой колыбели и бывший моим спутником и стражем во всех переселениях, которым подвергалось мое юношество. Теперь некому будет подать мне так часто забываемый платок, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мне на колени, трясая мохнатую своею головою, шевеля кудлатым хвостом и посматривая на меня такими умильными глазами. Нет, воля твоя, а долго, долго не забыть мне этих ежеминутных доказательств привязанности и самоотвержения» (Жихарев, 1955, с. 65). Таким образом, видно, что для юноши его пес также был очень важен, был членом его семьи, у них существовала психоэмоциональная связь. Мало того, характер их долгих отношений повлиял на его восприятие домашних питомцев других людей, так как он ожидал, что собачка Г.Державина также будет охранять своего человека, а не мирно спать у того за пазухой.

Чиновник А. Булгаков писал в 1815 г. брату, что он назвал свою собачку Бибишкой, и она от него ни на шаг не отходит (Булгаков & Булгаков, 2010, с. 14).



Уменьшительно-ласкательное имя сразу указывает нам не только на размеры животного, но и на нежное отношение к ней московского почт-директора. Н.Ф. Шаляпина вспоминая любимого бульдога Ф.И.Шаляпина, пишет, как один раз в Большом театре в Москве, в антракте «Бориса Годунова», тот «начал забавляться с собакой, дразнить ее». «В конце концов Булька залаял. – Федор Иванович, что вы делаете? Во-первых, лай Бульки слышен на весь театр, во-вторых, пора одеваться к третьему акту» (Федор Иванович Шаляпин, 1957, с. 637). Адъютант вел. кн. Михаила Александровича в своих мемуарах предполагает, что графиня Брасова смогла завлечь младшего брата императора в свои сети, в том числе, и благодаря интересу к собакам, которые были у того в детстве. «Михаил Александрович сводил ее на могилы своих любимых собак (его детство протекало главным образом в Гатчине), рассказал, что учится играть на балалайке, и незаметно для себя влюбился», – негодует над мезальянсом царедворец (Мордвинов, 2014, с. 252).

## **Социальные группы и их отношения с животными: женщины**

Средняя продолжительность жизни в России в 1896–1897 годах составляла 29,43 года у мужчин и 31,69 лет у женщин (Мохов, 2018, с. 195). Если женщина выходила замуж, большая часть ее жизни была посвящена ожиданию ребенка и заботой о новорожденном. Девочки из дворянских и богатых мещанских семей взаимодействовали с природой меньше, чем мальчики, их редко учили верховой езде, не брали на охоту, а домашней скотиной женщине из этих слоев общества интересоваться считалось неприличным, для этого была прислуга.

Традиционное российское женского образование XIX в. только подкрепляло это отдаление от природы: «Те, у кого в детстве была развита любовь к природе, здесь совершенно утрачивали ее. Весьма естественно, что, окончив курс в институте, мы были вполне равнодушны к красотам природы. С утра до вечера мы видели перед собой лишь голые стены громадных дортуаров, коридоров, классов, всюду выкрашенные в один и тот же цвет» (Водовозова, 2018, с. 213). «На моем окне стояла анатомическая гипсовая фигура для изучения мускулов; директриса института прислала нам сказать, чтобы мы убрали с окошка эту фигуру: молодым девушкам не подобает видеть такие вещи» (Сабашникова, 1993, с. 109), – вспоминает другая институтка.

И мужчина-капиталист создает таким же образом экономику, воспринимая природу механистически, как набор элементов. В XIX в. женщина как бы теряет этот доступ к земле, к производству, но она фокусируется на воспитании детей, на формировании их мировоззрения, так что, на самом деле, имеет власть, просто другого рода, не такую очевидную (Global Environmental History. A introductory reader, 2013, p. 82–87). Большинство связанных с внешним миром вещей (а к ним будут относиться и животные) ей не особенно интересны, животные являются просто живыми игрушками, особенно, если



это охотничьи трофеи мальчиков, которым положено охотиться: «Вернулись наши охотники веселые и довольные, привезли шесть зайцев, которых нанизали на палку и торжественно нам принесли» (Толстая, 2017, с. 38).

Викторианская мораль, перенятая высшими слоями общества у англичан вместе с другими модами, влияла и на понятие приличия, поощряла отделение человека от других животных. «Я вглядывалась в выражение глаз коров и убедилась, что они только природа, без души» (Толстая, 2017, с. 318), – пишет в дневнике С. А. Толстая в момент уже очень сильной душевной нестабильности, когда ее отношения с мужем совсем разладились. Увлечение бездетных московских супругов Оболяниновых своими собаками резко критиковали их родственники, так как «разговор был только про собак», у тех была своя горничная, по ночам они спали в кровати хозяев под одеялом и весь дом был наполнен собачьими запахами. К тому же, любимица хозяйки дома Анны Александровны Милка «была предурная собачонка, вроде дворняжки, и вдобавок презлая, того и гляди, что схватит за ногу». С негодованием Е. П. Янькова констатирует: «Словом сказать, у Оболяниновых в доме хозяева были не они сами, а их собаки» (Благово, 2014, сс. 175-186). Оглядывая публику в саду в Дрездене, супруга Ф. М. Достоевского Анна подумала об одной даме: «Она, должно быть, пустая женщина. Лицо ее только и оживляется, когда она обращается к собачке, которая тут же была с нею, гладит и ласкает ее, с большею любовью, чем к мужу, и муж, чтобы подласкаться, гладит собачку. Не люблю я, когда женщина уж слишком любит животных, даже больше людей, – нехорошее это сердце» (Достоевская, 1993, с. 198).

Большинство женщин, у которых не было своих личных собак – домашних питомцев, не понимали собак так же, как они в целом не понимали природу. Т. А. Кузьминская описывает, как однажды любимая собака Л. Н. Толстого Дора оценилась у нее на кровати, когда женщина гостила в Ясной Поляне. Младшая сестра Софьи Андреевны очевидно антропоморфизирует собаку, не понимая, что та не может испытывать вины за такое проявление своей природы: «Вернувшись домой, я вижу... о, ужас! Бедная Дора лежит на моей постели и на моем платье с четырьмя щенками и виноватыми и страдальческими глазами глядит на меня, слабо виляя хвостом, как бы прося прощения» (Кузьминская). Несмотря на то, что в семье Л.Н. Толстого всегда жили собаки-компаньоны (с ними писатель ходил на прогулки после того, как из идеологических соображений отказался от охоты) наличие привязанности человека и охотничьих собак из своры считалось блажью. В мемуарах детей и супруги писателя не раз упоминается доживавшая в Ясной Поляне на покое горничная Агафья Михайловна, которая обожала гончих, брала выхаживать щенят и больных к себе в избушку. Простая крестьянка даже молилась за собак. Т. А. Кузьминская рассказала Агафье Михайловне, что ее брат сдает экзамен по юриспруденции, старушка тут же зажгла свечу перед иконой Николая Угодника. В этот момент доезжачий сообщил, что Карай и Побеждай как с утра убежали в лес, так и не возвращались. Отправив парня на розыски, Агафья Михайловна «встала, подо-



двинула стул к образу, влезла на стул, потушила восковую свечу, подождала немного и опять зажгла ее. «Агафья Михайловна, что это вы делаете, голу-бушка? – спросила я ее. – Зачем вы потушили и зажгли свечку?» – «А это, матушка, она за Степана Андреевича горела, а таперича пускай за собак горит, чтобы нашлись скорее» (Кузминская).

Однако существует в XIX в. также уже и немало кейсов нежного отношения женщин к собакам, восприятия их в качестве значимых субъектов. Юная художница М. Башкирцева писала: «Соответственно моей Теории перенесения любви, вся сумма ее, которой я обладаю, сосредоточена теперь на Викторе – одной из моих собак. Я завтракаю, а он напротив меня положил на стол свою славную большую морду. Будем любить собак, одних только собак! Люди и кошки недостойны нашей любви!» (Башкирцева, 2005, с. 70). Княжна И.Д. Голицына вспоминала свои детские прогулки с немецкой овчаркой Джеком и доберманом-пинчером Леди как очень счастливое время: «сияющее ярко солнце, тишина, наше уединение втроем, рябь на воде и чудный воздух» (Голицына, 2005, с. 101). Очевидно, для девушки-подростка общество собак было приятным и необходимым.

У мецената М. Тенишевой был любимый «грифончик» Гри-Гри, скульптуру которого А. Бенуа уговорил ее заказать у некоего нуждающегося, но талантливое мастера. Собаку стали возить на сеансы позирования. «По окончанию работы Бенуа сам, к счастью, а не Обер, привез мне гипсовую статуэтку, которую художник предлагал вылить из бронзы. Каков же был мой ужас, когда я увидела вместо моей маленькой, тонкой, изящной собачки какую-то карикатуру, какого-то неуклюжего, толстоногого зверя» (Тенишева, 2019, с. 145), – возмущалась княгиня. Она же, описывая своего бульдога Бульку, антропоморфизировала животное до крайности: «Выражение его морды имело что-то человеческое», «Его считали за нечто совсем особенное, а иные просто думали, что это оборотень и в нем человеческая душа» (Тенишева, 2019, с. 270). После смерти сестры Веры Наталья Брасова (та самая, которая «окружила» вел. кн. Михаила Александровича и «женила» его на себе против воли Николая II), привезла из Москвы только ридикюль покойной и французского бульдога Бубуль (Majolier, 2018). Видимо, тут собака переходит по наследству, как раз как важное имущество. У самой графини с Михаилом Александровичем в доме постоянно жили по несколько фокстерьеров, которые везде сопровождали хозяев. Когда любимцы умирали, оба супруга очень эмоционально переживали потерю, собак хоронили под мраморными надгробиями в саду их дома в Гатчине.

Из-за того, что города были переполнены грызунами не меньше, чем деревни, кошки были в каждом доме. Они воспринимались как расходный материал, являлись живым приложением к дому. В усадьбе Б. М. Кустодиева «Терем» был кот Рыжик (Капланова, 1979, р. 130), который жил со сторожем Павлом Федосеевичем в его домике, но, когда приезжали хозяева, приходил к ним на чай. Кошка являлась как бы символом домашнего уюта. «Прие-



хали в пустой грязный дом; прошло дня три – все чисто. Вся хозяйственная машина пущена в ход: чистая скатерть, все едят, пьют, самовар на столе, и повар в белом колпаке. На кухне кот сидит» (Кузминская), – восхищалась хозяйственными способностями С.А. Толстой ее младшая сестра. Имена этим животным давали крайне редко или они были простые, русские. Например, кошек детей Николая II звали Котка и Зубровка. Чаще же даже переходившая в статус домашнего любимца кошка оставалась просто «кошкой».

### **Социальные группы и их отношения с животными: дети**

Исследование источников личного происхождения, в которых человек описывает свое детство, почти всегда приводит к обнаружению в них значимых для автора животных. Такие источники отличаются достаточно высокой степенью достоверности в плане изучения зооантропной культуры, так как, обращаясь к «себе – ребенку», человек будет пытаться улучшить картинку, но также он и будет оставаться собой (Безрогов, 2019, с. 7). Именно воспоминания о детстве могут показать нам реальную степень присутствия животных в дискурсе той или иной социальной группы, тогда как история с точки зрения взрослого будет сфокусирована на многих других объектах.

Старший сын Л. Н. Толстого подробно описал верховых лошадей своего детства: «В ребенке пять чувств его играют первенствующую роль, и после зрения – обоняние, конечно, главное». Илья Львович уточняет внешние особенности животных, имена и все обстоятельства катания, столь значимые в юном возрасте: «Бежим на конюшню, там пахнет лошадьё и сеном. Кучер Филипп Родивонович уже седлает. Для меня белый с розовыми глазами «Колпик» уже подседлан потником, Сереже – маленький, горячий киргизенок «Шарик», для папа – огромная кровная английская кобыла «Фру-Фру» (Толстой, 1969, с. 43).

Эта привязанность возникла благодаря ряду причин. Одной из них была высокая детская смертность, делавшая ребенка не интересным для мира взрослых вплоть до достижения совершеннолетия: «Нас, детей, у мамы было десять человек, четверо умерли в младенчестве, а три сына и три дочери выросли» (Каменская, 1991, с. 677). По данным за 1908–1910 гг., количество умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 3/5 общего числа умерших (Мохов, 2018, с. 195).

Родители из общества не занимались воспитанием своих детей: «большинство петербургских детей высшего общества обречено было жить присмотром бонн и гувернанток в узком кругу интересов Летнего сада, Таврического катка, прогулок по набережной Невы» (История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России, 2012, с. 15). Оказавшись в таких условиях, живой характер ребенка искал выхода для своей активности, дружбы и внимания других живых существ, находя их в разнообразных животных. А.Ф. Тютчева, воспитательница единственной дочери Александра II



Марии, так описывала свою подопечную: «До сих пор моя девочка испытывает живую симпатию только к животным, с ними она чувствует себя совершенно свободно; о них она всегда вспоминает, их касаются все ее проекты» (Тютчева, 2017, с. 424). Князь К.Н. Голицын уверяет, что в детстве его голова «отказывалась воспринимать что-либо, не имеющее отношение к речке, конюшням и верховой езде» (Голицын, 1997, с. 62). Старшая дочь Л.Н.Толстого пишет о своей дочери: «Собаки – это интерес Таниной жизни. И понятно, у нее нет детей-сверстников, чтобы играть с ними, и она отдает все свое свободное время собакам» (Сухотина-Толстая, 1987, с. 476).

Падчерица Вел. кн. Михаила Александровича называет исчезновение своей собаки Тома «трагедией», 10-летняя девочка была безутешна и «плакала днями напролет». Ее гувернантка подарила ей в утешение щенка померанского шпица, который хотя и был очень милый и выглядел в точности как «маленький медведь, ничто не могло заменить Тома в моем сердце». Шпица звали «старомодно» Fluff, и он чуть не утонул, упав в фонтан. Наталья построила мемориал в виде груды камней в память о Томе, куда она приносила цветы (Majolier, 2018).

Подобная привязанность была естественной, а не результатом педагогических усилий, как это было в Англии. Там существовала целая плеяда детских книг о животных, которые подвели теоретическую базу под то, почему детям нужны питомцы (Harvey, 2019, p. 50). Sara Jane Lippincott под псевдонимом Grace Greenwood издала в 1853 «The History of My Pets». Emma Davenport – популярный детский писатель того периода – держала у себя летучую мышь, ястреба и ежа. Она написала в том числе книгу с говорящим названием «Live Toys». В ней рассказываются «правдивые истории о различных животных, бывших во владении у мальчика и девочки» (Дэвенпорт использует термин «possession»). По порядку рассказаны анекдоты из жизни: белого кролика Моппи, двух птичек, попугая, дикого кролика, галки, ежа, ретривера, терьера, голубя, летучей мыши Dr. Battius (той самой, которая принадлежала автору), альпийской галки, котят, шетландского пони, немецкой собаки (Davenport, 1862).

Но самым главным пропагандистом идеи общности детей и животных и необходимости для детей содержать их был John George Wood, который осознавал неправильность содержания животных в неволе, но при этом не мог отказать себе в этом удовольствии. Будучи редактором “Boys Own Magazine”, он всячески пропагандировал идеальное детство мальчика: поймать и поселить у себя как можно больше диких животных, рассказывая, как строить для них подходящие клетки (Harvey, 2019, p. 55).

Русские дети находили своих четвероногих друзей интуитивно. Чиновник К. Булгаков в 1820 г. писал брату о забавном эпизоде со своим маленьким сыном: «Каподистрия зашел к нам со своей собачкой. Сашка ну трусить; я ему говорю, что это стыдно, бояться нечего, а надобно с нею играть. Он вдруг бежать к себе. Зачем? – «Я сейчас принесу игрушки» (Булгаков & Булгаков, 2010,



с. 366). В 1884 г. Л. Н. Толстой сообщал старшему сыну: «Илья Львович, здравствуйте. Собака препротивная, но так как твое счастье жизни сосредоточено в ней, то ее оставят. Свойства ее таковы: вальдшнепов она не чует, а выстрел чует, и как только услышит, то бежит домой стремглав» (Толстой, 1969, с. 208). В Париже, когда к ним пристал на улице продавец собак, юный Ф. Ф. Юсупов-младший упросил свою мать купить ему «маленький рыжий комочек с черной мордочкой» (Юсупов, 1993), Гюгюс провел неразлучно со своим юным господином 18 лет.

Дети нуждались в обществе животных, считая его высшей ценностью. Средняя дочь семейства гоф-медика, Т. А. Кузьминская (в девичестве Берс), вспоминала, как мечтала получить в подарок на 10 лет «черного пуделька, только живого» (Кузьминская). От богатой крестной девочки пришла ее компания: «Татьяна Ивановна, – начала Дуняша, – больны, они велели вас поздравить и поцеловать и прислали вам «живой подарок», – улыбаясь продолжала Дуняша, – я сейчас приведу его». И Дуняша быстро ушла. «Приведу его, – думала я, – неужели черненького щеночка? Вот будет хорошо». Дверь отворилась, и Дуняша вошла в сопровождении девочки, одетой очень бедно, с косичками, перевязанными тряпочками вверху головы». «Вот, крестная прислала Вам в подарок эту девочку Федору, ей 14 лет, она пойдет вам в приданое, а пока будет служить вам» (Кузьминская). В этом эпизоде сквозит разочарование ребенка, она хотела собаку, а крепостная ей не очень-то нужна. Хотя мысль о том, что она «ее собственная» – то, чего нет у сестер, ей нравилась.

## **Выводы**

Таким образом, на примере социально-общественных групп городского населения Российской империи XIX – нач. XX вв. можно оценить характер взаимоотношений людей и животных. В ходе модернизационных и урбанизационных процессов указанного периода, находясь, в силу социальных и культурных установок в некоторой изоляции, мужчины, женщины и дети питали живой интерес к разнообразным животным, взаимодействовали и устанавливали собственные отношения с нечеловеческими природными агентами, нередко имея с ними психоэмоциональную связь. Каждый горожанин постоянно сталкивался с огромным количеством рабочих домашних животных, труд которых был необходим для функционирования окружающей инфраструктуры, с ними, а также с дикими и экзотическими животными человек все равно, тем или иным образом взаимодействует. И если с этой категорией обычно это общение носило односторонний характер, то с экономически бесполезными животными (а также с некоторыми лошадьми) многие люди общались, относясь к ним как к субъектам.

Наиболее успешными в этом процессе оказались домашние собаки категории домашний питомец. Источники демонстрируют многочисленные



примеры установления ими психоэмоциональной связи со своими хозяевами и даже интеграцию таких животных в семью людей.

## Список литературы

---

- Ayres, B. (Ed.). (2019). *Victorians and their animals. Beast on the leash*. Routledge.  
<https://doi.org/10.4324/9780429429002>
- Berger, J. (1991). *About looking*. Vintage.
- Davenport, E. (1862). *Live toys; or, Anecdotes of our four-legged and other pets*. Griffith and Farran.
- Fagan, B. (2015). *The intimate bond: how animals shaped human history*. Bloomsbury Press.
- Fudge, E. (2014). *Animal*. London: Reaction Books.
- Harvey, J. C. (2019). *The animal's companion: people and their pets, a 26,000-year love story*. Black Dog and Leventhal.
- Isenberg, A. C. (Ed.). (2014). *The Oxford Handbook of Environmental History*. Oxford University Press.  
<https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195324907.001.0001>
- Majolier, N. (2018). *Step-Daughter of Imperial Russia*. Kindle edition.
- McNeill, J. R., & Roe, A. (2013). *Global Environmental History: An Introductory Reader*. Routledge.
- Serpell, J. (Ред.). (1996). *In the Company of Animals: a Study of Human-Animal Relationship*. Cambridge University Press.
- Башкирцева, М. (2005). *Дневник. Захаров*.
- Безрогов, В. (2019). *Детство в европейских автобиографиях: От Античности до Нового времени. Антология. Алетейя*.
- Безрогов, В. Г. (ред.). (2012). *Сборник статей материалов Международной научной конференции 'История детства как предмет исследования: Наследие Ф. Арьеса в Европе и России'*. РГГУ.
- Булгаков А., & Булгаков К. (2010). *Братья Булгаковы: письма в 3 т.. Захаров*.
- Веблен, Т. (2016). *Теория праздного класса*. Книжный дом «ЛИБРИКОМ».
- Ветеринарный фельдшер. (1904). *Ветеринарный фельдшер*, 1.
- Водовозова, Е. (2018). *На заре жизни*. Благовест.
- Гийо, Д. (2017). *Люди и собаки*. Новое литературное обозрение.
- Голицын, К. (1997). *Записки князя Кирилла Николаевича Голицына*. Российское Дворянское Собрание.
- Голицына, И. (2005). *Воспоминания о России (1900–1932)*. Айрис-Пресс.
- Достоевская, А. Г. (1993). *Дневник 1867 года*. Наука.
- Жихарев, С. П. (1955). *Записки современника. Воспоминания старого театрала*. Изд-во Акад. Наук СССР.
- Заксер, Н. (2020). *Человек в животном*. Издательский Дом ВШЭ.
- Каменская, М. (1991). *Воспоминания*. Художественная литература.



- Капланова, С. (1979). *Новое о Кустодиеве: Пути творческих поисков: Воспоминания. Письма. Изобраз. искусство.*
- Коптев, В. (1887). *Материалы для истории русского коннозаводства.* Типо-лит. В.В. Чичерина.
- Кузминская, Т. (б.д.). *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне.* Извлечено 01.08.2021 от [http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya\\_moya.html#perv](http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv)
- Мешкова, Н.Н., & Федорович, Е.Ю. (2007). Актуальные проблемы преподавания зоопсихологии и сравнительной психологии. *Вестник Московского университета, Психология. Серия 14 (№ 3), 109–113.*
- Мордвинов, А. (2014). *Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. Кучково поле.*
- Мохов, С. (2018). *Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия.* Common place.
- Никольская, А. (2012). *Экопсихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными: дис. канд. психолог. наук.*
- Пикеринг Антонова, К. (2019). *Господа Чихачевы. Новое литературное обозрение.*
- Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово.* (2014). URSS.
- Романов, К. Р. (1998). *Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. Искусство.*
- Сабашникова, М. (1993). *Зелёная змея. Энигма.*
- Сверчков Н.Е. *Портрет на фоне лошади.* (2017). изд-во Сабашниковых.
- Сухотина-Толстая, Т. (1987). *Дневник. Современник.*
- Тенишева, М. (2019). *Впечатления моей жизни: Воспоминания.* Захаров.
- Толстая, С. А. (2017). *Дневники. 1862–1910.* Захаров.
- Толстой, И. (1969). *Мои воспоминания.* Художественная литература.
- Тютчева, А. (2017). *При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник.* Захаров.
- Федор Иванович Шаляпин. (1957). *Искусство.*
- Юсупов, Ф. (1993). *Перед изгнанием, 1887-1919.* АО «Моск. центр искусств».

## References

---

- Ayres, B. (Ed.). (2019). *Victorians and their animals. Beast on the leash.* Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429429002>
- Berger, J. (1991). *About looking.* Vintage.
- Davenport, E. (1862). *Live toys; or, Anecdotes of our four-legged and other pets.* Griffith and Farran.
- Fagan, B. (2015). *The intimate bond: how animals shaped human history.* Bloomsbury Press.
- Fudge, E. (2014). *Animal.* London: Reaction Books.
- McNeill, J. R., & Roe, A. (2013). *Global Environmental History: An Introductory Reader.* Routledge.



- Harvey, J. C. (2019). *The animal's companion: people and their pets, a 26,000-year love story*. Black Dog and Leventhal.
- Isenberg, A. C. (Ed.). (2014). *The Oxford Handbook of Environmental History*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195324907.001.0001>
- Majolier, N. (2018). *Step-Daughter of Imperial Russia*. Kindle edition.
- Serpell, J. (Ed.). (1996). *In the Company of Animals: a Study of Human-Animal Relationship*. Cambridge University Press.
- Bulgakov, A. & Bulgakov K. (2010). *Brothers. Bulgakovs: letters in 3 volumes*. Zakharov. (In Russian).
- Bashkirtseva, M. (2005). *Diary*. Zakharov. (In Russian).
- Bezrogov, V. (2019). *Childhood in European Autobiographies: From Antiquity to the Modern Age*. Anthology. Aletheia. (In Russian).
- Bezrogov, V. (ed.). (2012). Proceedings of the International Academic Conference 'The History of Childhood as a Research Subject: The Legacy of P.Aries in Europe and Russia'. RSUH. (In Russian).
- Veblen, T. (2016). *The Theory of the Leisure Class*. LIBRICOM (In Russian).
- Veterinary Feldsher. (1904). *Veterinary Feldsher*, 1. (In Russian).
- Vodovozova, E. (2018). *At the dawn of life*. Blagovest. (In Russian).
- Guillo, D. (2017). *Dogs and Humans*. NLO. (In Russian).
- Golitsyn, K. (1997). *Notes of Prince Kirill Nikolaevich Golitsyn*. Rossiiskoe Dvoryanskoe Sobranie. (In Russian).
- Golitsyna, I. (2005). *Memories of Russia (1900–1932)*. Airis-Press. (In Russian).
- Dostoevskaya, A. (1993). *Diary of 1867*. Nauka. (In Russian).
- Zhikharev, S. (1955). *Notes from a contemporary. Memories of the Old Theatre Man*. Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Zakser, N. (2020). *Man in the animal*. HSE Publishing House. (In Russian).
- Kamenskaya, M. (1991). *Memories*. Hudozhestvennaya literatura.
- Kaplanova, S. (1979). *New about Kustodiev: Ways of creative search: Memoirs. Letters. Izobraz. iskusstvo*.
- Koptev, V.I. (1887). *Materials for the history of Russian horse breeding*. Typo-lit. V.V. Chicherina (In Russian).
- Kuzminskaya, T.A. (n.d.) *My life at home and in Yasnaya Polyana*. Retrieved 01.08.2021 from [http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya\\_moya.html#perv](http://dugward.ru/library/tolstoy/kuzminskaya_moya.html#perv) (In Russian).
- Meshkova, N., & Fedorovich, E. (2007). Actual problems of teaching zoopsychology and comparative psychology. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Psikhologiya*, issue 14 (№ 3), 109–113. (In Russian).
- Mordvinov, A. (2014). *From Experience. Memories of the aide-de-camp of Emperor Nicholas II. Kuchkovo pole*. (In Russian).
- Mokhov, S. (2018). *The birth and death of the funeral industry: from medieval pogosts to digital immortality*. Common place. (In Russian).
- Nikol'skaya, A.V. (2012). *Ecopsychological model of interspecific human interaction with pets*, Ph. D. Thesis. (In Russian).



- Pickering Antonova, K. (2019). *Gentlemen of the Chikhachevs*. NLO. (In Russian).
- Grandmother's tales: from the memories of five generations, recorded and collected by her grandson D. Blagovo*. (2014). URSS. (In Russian).
- Romanov, K. (1998). *Diaries. Memories. Poems. Letters*. Iskusstvo. (In Russian).
- Sabashnikova, M. (1993). *The Green Snake*. Enigma. (In Russian).
- Sverchkov N.E. *Portrait on the Background of a Horse*. (2017). Sabashnikov Publishers. (In Russian).
- Sukhotina-Tolstaya, T. (1987). *Diary*. Sovremennik. (In Russian).
- Tenisheva, M.K. (2019). *Impressions of my life: Memories*. Zakharov. (In Russian).
- Tolstaya, S. (2017). *Diaries (1862–1910)*. Zakharov. (In Russian).
- Tolstoy, I. (1969). *My memoirs*. Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Tyutcheva, A. (2017). *At the Court of the Two Emperors. Memories, diary*. Zakharov. (In Russian).
- Fyodor Ivanovich Chaliapin*. (1957). Isskustvo. (In Russian).
- Yusupov, F. (1993). *Before exile, 1887–1919*. Mosk. tsentr iskusstv. (In Russian).



# Review of the Monograph “Women and Family Life in Early Modern German Literature” by Elisabeth W. Nivre

---

**Irena V. Lebedeva**

Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia. Email: irenalebedeva[at]mail.ru

Received: 10 August 2022 | Revised: 1 September 2022 | Accepted: 15 September 2022

## Abstract

---

This paper reviews a monograph by the Swedish Germanist Elisabeth Waghall Nivre, “Women and Family Life in Early Modern German Literature”. The monograph is published by Camden House, edited by James Hardin, 2004. ISBN: 1-57113-197-3. My interest in the monograph stems from its unique area of research: the representation of gender roles in sixteenth-century German-language fiction. Despite the popularity of gender studies and the extensive corpus of works on the history of gender, there are few scholarly works in this particular area. A glance at E. Nivre's monograph allows to argue that although the monograph was published almost twenty years ago, its main observations and conclusions are still relevant today.

## Keywords

---

German Studies; Gender; Gender Studies; German Literature; Gender Roles; Corporeality; Representation of Women in Literature



This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



## Рецензия на монографию Элизабет В. Нивре «Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени»

---

**Лебедева Ирэна Валерьевна**

Каспийский институт морского и речного транспорта. Астрахань, Россия.

Email: [irenalebedeva\[at\]mail.ru](mailto:irenalebedeva[at]mail.ru)

Рукопись получена: 10 августа 2022 | Пересмотрена: 1 сентября 2022 | Принята: 15 сентября 2022

### Аннотация

---

В работе рецензируется монография шведского германиста Элизабет Вагхалл Нивре «Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени». Монография выпущена издательством Камден-хаус, редактор Джеймс Хардин, 2004 год. ISBN: 1-57113-197-3. Оригинальное название “Women and Family Life in Early Modern German Literature”. Интерес к рецензируемой монографии вызван уникальной областью исследования – репрезентацией гендерных ролей в немецкоязычной художественной литературе XVI века. Несмотря на популярность гендерных исследований и обширнейший корпус работ по истории гендера, именно в этой области научных трудов не много. Знакомство с монографией Э. Нивре позволяет утверждать, что хотя монография издана почти двадцать лет назад, ее основные наблюдения и выводы актуальны по настоящий момент.

### Ключевые слова

---

германистика; гендер; гендерные исследования; немецкая литература; гендерные роли; телесность; репрезентация женщин в литературе



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)



Даже с учетом растущего с 1990-х годов числа исследований, посвященных женщинам, исследователи гендерных вопросов уделяли очень мало внимания литературе раннего нового времени. Тем более редко в поле внимания исследователей попадала немецкоязычная художественная литература. Из заметных публикаций на эту тему можно назвать работу Ганса-Юрген Бахорски и Вернера Рёке. Исследователи рассматривают имя собственное, то есть существительные в средневековых немецкоязычных художественных текстах с психоаналитической точки зрения, основываясь на исследованиях Карла Бертау о Вольфраме фон Эшенбахе (Bachorski & Röcke, 1995). Бахорски и Рёке определяют группы слов, связанных в семантические группы, чтобы проследить закономерности, объясняющие изменения картины мира людей XVI века. Иными словами, с помощью лингвистического анализа авторы отслеживают и интерпретируют изменения в менталитете людей шестнадцатого века в отношении гендерных проблем и сексуальных желаний.

И все же работ подобного рода мало. Шведская исследовательница Элизабет Нивре, доцент кафедры немецкого языка в Университете Векшё, исправляет этот недостаток. В своей монографии «Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени» Нивре анализирует произведения четырех значимых для немецкой литературы XVI века авторов: это Георг Викрам, Мартин Монтанус, Якоб Фрей и Иоганн Фишарт. Ее заявленная цель – выяснить, как воспринимаются и изображаются гендерные роли в произведениях этих писателей, и отсюда, шире – проанализировать концепт «женщина» как социальный и культурный конструкт.

Создатели немецкой популярной литературы XVI века проявляли большой интерес к описанию, обсуждению, комментированию и предписанию гендерных ролей. Интерес к гендерным вопросам, гендерный дискурс прослеживается во всех видах текстов этого периода: в романах, шуточных произведениях типа шванков, в пьесах, в моралите – трактатах о браке и семейной жизни. В поле зрения рецензируемой монографии попадают произведения, написанные в Страсбурге в XVI веке, в которых авторы – Викрам, Монтанус, Фрей и Фишарт – выражают не только собственные представления о роли женщины как жены и матери, но и общественные ценности в период религиозных, политических и культурных перемен.

Изучая тексты немецких писателей, исследовательница замечает, что выражаемые ими взгляды на гендерные вопросы нельзя назвать одномерными: они приписывают женщинам и их отношениям с мужчинами самые разные характеристики. К примеру, в романе «О добрых и дурных соседях» немецкого автора Георга Викрама две женщины, Кассандра и Люсия, рассуждают об исторических и мифологических фигурах, иллюстрируя свои идеи – или вернее идеи самого автора, Викрама, – о норме и девиациях в женском поведении. Ссылаясь на события прошлого, социальные условности и традиции, персонажи комментируют манеры женщин из растущего городского среднего класса шестнадцатого века.



Интерес Георга Викрама к хорошо отлаженным отношениям между мужчиной и женщиной, молодёжью и стариками, хозяином и слугой хорошо документирован; исследователи немецкой литературы раннего нового времени в последние два десятилетия проявляют все больший интерес к его прозаическим романам из-за той модели семьи, которую автор выстраивает. Особенно в своих поздних произведениях Георг Викрам создает свою идеальную версию раннего современного общества – безупречные браки и гармоничная семейная жизнь его персонажей противопоставляются современному автору реальному миру, и служат своего рода антитезой другому жанру – антиутопии, миру, перевернутому с ног на голову, текстам, написанных в традиции «Корабля дураков» Себастьяна Бранта (1494). Творчество писателя автор рассматривает в первой главе своей работы.

Во второй главе монографии в поле зрения исследовательницы попадают шванки – этот жанр простонародной литературы был чрезвычайно популярен в XVI, XVII и XVIII веках, и дешевизна книжных изданий шванков добавляла жанру востребованности. Ни в коей мере не являясь новым жанром, сборники юмористических рассказов такого рода, появившиеся в Германии в XVI веке – начиная с изданного в 1522 году «Шимпфа» Эрнста Иоганна Паули – имеют определенные общие черты. Их часто обвиняли в грубости и отсутствии стилистического изящества, а также в стереотипном и предвзятом изображении различных профессий и социальных групп. Нивре рассматривает, как изображаются отношения между мужчинами и женщинами в шванках – секс, любовь, брак, адюльтер, обманы и манипуляции и т.п. Интересно, что в отличие от типичного для шванков образа женщины как с одной стороны, наивной и непутевой дурехи, которую используют в своих целях мужчины с одной стороны, и коварной распутницы – с другой, в сборниках шванков Георга Викрама акцент сделан не на женских пороках, а на необходимости для мужчины соответствовать своей роли главы семьи и быть сильным, разумным и ответственным хозяином (Nivre, 2004, p. 38-42). Сборник шванков Якоба Фрея оказывается гораздо более пессимистичен – автор, кажется, полностью потерял веру в человечество и изображаемые им женщины не лучше изображаемых им мужчин. Мизогинистические комментарии и частые призывы к подчинению женщины перемежаются у Фрея с многословным плачем о том, что мужчины не справляются со своей ролью главы семьи (Nivre, 2004, p. 41-46).

В третьей главе с интригующим названием «Женщина, жена, ведьма?» рассматривается репрезентация женщин в «Сборнике историй» Иоганна Фишарта (Nivre, 2004, с. 131-156). Образ женщины как злого существа – коварного и скользкого, а значит, трудноуловимого – встречает читателя работ Иоганна Фишарта (1581, 1586), который использовал в качестве источника популярный в свое время трактат о ведьмах Жана Бодена “De Démonomanie des sorciers” (1580). Выражая обычные страхи мужчин перед женским полом, тексты Фишарта не являются чем-то необычным для своего времени, эпохи



расцвета охоты на ведьм. Будучи юристом, Фишарт, безусловно, был знаком с процессами над ведьмами, а также с уголовными делами, касающимися семейных распрей, проституции и тому подобным. В книге Фишарта злые дела, творимые женщинами, объясняются не личными свойствами преступниц – он выводит их злодейство из самой принадлежности к женскому полу.

В четвертой главе автор обращается не к художественной литературе, а к постановлениям, принятым городским советом Страсбурга. Тексты этих городских ордонансов показывают, что пол был важной категорией в классификации жителей в шестнадцатом веке. Здесь Нивре вступает в полемику с Ингрид Бенневиц, утверждавшей, что литература Средневековья знала только один пол/гендер, поскольку человек определялся не своей сексуальностью, а скорее другими качествами (Bennewitz, 1996). Проанализированные Э. Нивре источники позволяют утверждать, что мужчины и женщины идентифицируют себя с определенными физиологическими и социальными гендерными характеристиками, то есть XVI век – это время растущего осознания своей гендерной идентичности. Парадокс состоит в том, что в проанализированных текстах и документах с одной стороны, «женщина» и «мужчина» могут выполнять различные, в том числе не очень типичные социальные функции; с другой стороны, все тексты выражают желание ограничить мужчину мужем и отцом, а женщину – женой и матерью. Функция женщины, согласно городским ордонансам, заключается в том, чтобы вырасти и выйти замуж – быть женой. Это ее главная роль, и когда взрослая женщина играет любую другую, это является отклонением от нормы, что заставляет власти издавать строгие указы чтобы держать ее под мужской властью.

В заключении автор еще раз напоминает читателю, к каким выводам ее привел анализ каждого отдельного корпуса литературных текстов (плюс городские постановления Страсбурга), но нам как читателям, признаться, не достает некоего обобщения, общего вывода. Еще одним нашим замечанием к этой интереснейшей монографии является отсутствие перевода стихотворных отрывков, которые приводит Нивре в своей работе. Раз уж она пишет о немецкой литературе на английском языке, следовало бы привести хотя бы подстрочный перевод цитируемых отрывков, иначе читателю, не владеющему немецким – тем более немецким языком XVI века – не понятно, о чем идет речь, а значит и само цитирование теряет смысл. Например, стихотворный отрывок «Битва полов»: “Freündtlicher und lieber leser, // Deßgleichen auch du zuhorer“ etc. (Nivre, 2004, с.56).

Подведем итоги: монография Элизабет Вагхалл Нивре «Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени», в которой поднимаются столь интересные и поныне актуальные вопросы – в первую очередь проблема гендерной идентификации и самоидентификации – несомненно, должна пробудить интерес к литературе XVI века. Монография будет интересна как специалистам в области гендерных исследований и немецкой



литературы, так и шире – ученым, занимающимся историей, теологией и правоведением.

## Список литературы | References

---

- Bachorski, H., & Röcke, W. (1995). Weltbilder: Ordnungen des Wissens und Strukturen der literarischen Sinnbildung. In *Weltbildwandel: Selbstdeutung und Fremderfahrung im Epochenübergang vom Spätmittelalter zur Frühen Neuzeit* (pp. 7-17). Wissenschaftlicher Verlag.
- Bennewitz, I. (1996). Der Körper der Dame: zur Konstruktion von 'Weiblichkeit' in der Deutschen Literatur des Mittelalters. In 'Aufführung' und 'Schrift' in Mittelalter und Früher Neuzeit (pp.222-238). Metzler.
- Nivre, E. W. (2004). *Women and Family Life in Early Modern German Literature*. Camden House.

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: Эл № ФС77-77481 since 31 December 2019

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 29/1, Botvina St. apt. 50, Astrakhan, Russia, 414052

Editor-in-Chief: PhD, Olesya S. Yakushenkova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:  
admin@corpusmundi.com или corpusmundijournal@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2019 Corpus Mundi. e-ISSN: 2686-9055

---

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: Эл № ФС77-77481 от 31 декабря 2019

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука». ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414052, Российская федерация, г. Астрахань, ул. Ботвина 29/1, кв. 50

Главный редактор: к.ф.н. Олеся Сергеевна Якушенкова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:  
admin@corpusmundi.com или corpusmundijournal@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Сетевое издание доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0  
Международная.

© 2020 Corpus Mundi. e-ISSN: 2686-9055